

Борис Колесов

Лучшие годы

«Автор»

2026

Колесов Б.

Лучшие годы / Б. Колесов — «Автор», 2026

Книга представляет собой сборник рассказов и небольших повестей о людях и животных. Герои произведений автору хорошо знакомы, а все описываемые события – реальны. Автор пытался представить людей и события такими, какие они были и есть. Темы – детство, студенчество, работа в академическом институте, путешествия.

© Колесов Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Колесов

Лучшие годы

Борис Колесов

ЛУЧШИЕ ГОДЫ

Повести и рассказы

Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,

Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.

Что ж я стою у размытой дороги и плачу?

Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

Ник. Рубцов

*Моей жене Ларисе
и внукам Даше и Урсуле
посвящается*

Вместо предисловия

Моему сыну в школе задали сочинение: «Как я учился читать». Мне тема так понравилась, что я не удержался и тоже украдкой написал это сочинение. Но листочки потерял, а потом и забыл о них.

Время шло, надвигалась угрюмая старость, и я, в результате, по-видимому, общего ухудшения головной деятельности, решил еще раз написать это сочинение, но только немножко расширив тему: «Как прошло мое детство». Вскоре появился текст, который я разместил на сайте нашего курса физфака. Неожиданно текст понравился моим однокурсникам (не всем!), и я услышал требовательное: «Пиши еще!». Но я искренне считал, что и так уже залез «в чужой огород», и потому не собирался продолжать эту деятельность. Вскоре, однако, выяснилось, что шрам от прикосновения к процессу словотворчества остался в моей душе и, более того, я почувствовал так называемый «писательский зуд». И вот теперь каждое лето, уже который год подряд, я переселяюсь во время отпуска на свою дачку и вместо того, чтобы рыхлить грядки, как настоятельно рекомендует жена, пишу. И, когда заканчиваю очередной текст, искренне полагаю, что он был последним. Результат моей «дачной деятельности» оказался плачевным: урожайность культур на нашем участке значительно снизилась. Но зато появилась эта книжка, которая, однако, никогда не заменит недобранных огурцов, в чем я чистосердечно раскаиваюсь.

б.к.

kolesov@niic.nsc.ru

РАНЫ МОЕЙ ПАМЯТИ

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ

*Я скоро уйду... Из забвенья и мглы
Оглянусь на прощанье назад.
В нашем стареньком доме, где детство прошло
Всех родных я увижу опять.
Буду с ними сидеть за семейным столом,
Буду слышать голос отца,
И смотреть, как трепещет листва за окном
И мерцает над лесом звезда....*

*(По мотивам стих. А. Ахматовой
«Заболеет бы как следует...»)*

Глава I. Туманное детство

Закончилась Война, сначала с немцами, потом с японцами. В начале сентября в небольшой квартирке деревенского дома открылась дверь, и через порог ввалился серый от пыли и усталости человек. Оказавшись внутри, он тут же упал, растянувшись во весь рост на полу комнаты. Это был отец. С фронта до города он добрался на поезде, как и все демобилизованные, а от города до нашего села транспорта не было, и он пятьдесят километров шел пешком с вещмешком за плечами и небольшим чемоданом с трофеями в руках.

А еще через год родился Ваня. На самом деле, Ваня родился не один. Вместе с ним родилась еще его сестра, Варвара, причем она-то как раз была первой, а Ваня – только вторым. Ваня, родившись, не сразу «предъявил себя», и его нужно было «откачивать». Мать, видя это, слабым голосом предложила: а, может, не надо, хватит, один уже есть? Но акушерка, держа крохотного сморщенного Ваню, на всякий случай шлепнула его еще разок, и тут Ваня заорал. Сомнения разрешились.

Родители у Вани были сельскими служащими. Оба начинали учителями в начальной школе, но учительского образования у них не было, только коротенькие курсы, в то время, до Войны, бывшие популярными – надо было решать кадровую проблему. А потом работали там, где удавалось, занимая мелкие административные должности.

О самом раннем детстве у Вани сохранились немногочисленные, какие-то туманные и несвязанные воспоминания. Ване казалось, что он помнит (или ему об этом рассказали позже, а он думал, что сам запомнил?), как на него, полуторогдового, стоящего неподвижно, как пенек, посреди двора, надвигается корова с опущенными к земле рогами. И быть бы беде, но мимо по улице проходил сосед Антип. Он живо перемахнул через забор и корову отогнал. Как Антип через забор прыгал, Ваня не помнит, да и не мог он этого видеть, поскольку стоял к забору спиной, но ему позднее рассказали, и он ярко представлял себе всю картину так, как будто сам все видел. От этой коровы у Вани на всю жизнь остался какой-то необъяснимый, темный страх ко всем животным. Он боялся не только собак или зверей побольше, но боялся взять в руки даже дождевого червя. Особый страх у него вызывали почему-то мохнатые гусеницы. Ему казалось, что они могут нанести ему физический ущерб, цапнув, например, за палец. И хотя умом он понимал, что такое невозможно, но в руки взять не мог. Позднее, лет через шестьдесят, семилетняя Ванина внучка потешалась над ним, пытаясь впихнуть ему целую пригоршню дождевых червей, а Ваня изо всех сил отбивался.

Днем родители были на работе, а за детьми присматривала старшая сестра, сама еще одиннадцатилетний ребенок, но уже вполне освоившая роль няни. Как-то раз она с подружками, такими же девчонками, пошла в лес, раскинувшийся на горе недалеко от дома. Взяли с собой и двухлетних Ваню с Варварой, чтобы не оставлять их одних. В лесу был огромный

овраг. По склону оврага после дождя образовались промоины из чистого и мелкого песка. Ваню с Варварой сажали в песчаный желоб, и они скатывались вниз. Никого из старших детей Ваня не запомнил, но овраг с желобом и особенно восхитительное ощущение нежной кожей мягкого прохладного песка остались в памяти надолго, навсегда. Позднее, лет в семнадцать, Ваня разыскал в лесу этот овраг, и удивился его незначительности. Его глубина была всего метра полтора-два. Не то его затянуло со временем, не то первоначальные Ванины впечатления были ошибочными, осталось не ясным.

Еще Ваня помнил, но уже определенно, как они с сестрой заболели (они всегда болели вместе), и отец поил их из ложки лекарством. Ваня стоит у стола, а отец наклоняется к нему с ложкой, и на его лице неестественная улыбка, как будто бы лекарство необыкновенно вкусное и отец, оказавшись больным, с удовольствием пил бы его сам.

Когда Ване исполнилось три года, его душу стало что-то томить. Он начал просить старших сестру и брата почитать ему книжку. В то время из книжек в доме водились лишь учебники для начальной школы, и Ване стали читать историю для пятого класса, причем почему-то все время одно и то же место, где рассказывалось о царе Иване Грозном. Вскоре Ваня отрывок запомнил и сам стал «читать», водя пальцем по странице и вслух воспроизводя текст. Родители делали вид, будто верили, что Ваня читает взаправду, и выражали притворное удивление. Но этого Ване было мало. И тогда, пристроив учебник и листок бумаги из школьной тетради на табурете, а сам став на колени, начал карандашом перерисовывать буквы. Из этих букв у него складывались строчки. Родители Ваню хвалили, но учить читать и писать по-настоящему не стали – времени не было.

Считать Ваня сам научился. Считать до двадцати было совсем просто. Для этого у Вани в голове сложился простой алгоритм счета, каким, наверное, пользуется большинство людей. Например, если нужно было сложить 8 и 5, Ваня сначала мысленно докладывал число восемь до десяти, заимствовав для этого две единички у пятерки, а уж потом прибавлял к 10 оставшийся от пятерки кусочек в три единички. Когда однажды к ним заехал брат матери, дядя Андрей, и, решив проверить слух о Ваниных успехах в арифметике, попросил Ваню сложить 7 и 9, Ваня ответил без колебаний и правильно. Пораженный дядя Андрей задумчиво погладил Ваню и сказал: Ленинская голова!

Став чуть старше, годам к пяти, Ваня стал проводить большую часть времени на улице, со сверстниками. Летом с утра до вечера. Одежды – самый минимум, подвижности, прыгучести, выносливости – максимум, хватало на целый день с краткими посещениями дома, чтобы поесть. Обычно игры продолжались до темноты. Когда начинало смеркаться, в темнеющем небе на огромной скорости проносились стрижи, то ли гоняясь друг за другом, то ли просто не умея двигаться иначе. Их пронзительный писк и сейчас еще стоит в ушах. В то время Ване казалось, что и он, и небо, и стрижи – не сами по себе, а все одно пространство, одна среда, и он ее часть. Эти летние теплые вечера в деревне! Сейчас, когда сильно постаревший Ваня пытается вызвать самое светлое воспоминание о детстве, у него перед глазами встают полосы света от закатного солнца, уже свалившегося за высокую скалистую красавицу-гору на западной окраине села, мерцающий теплый воздух с маленькими, стремительно несущимися черными комочками высоко в небе, и сам пятилетний Ваня, загорелый, почти раздетый, стоящий на середине пыльной деревенской улицы.

Жить становилось все труднее. Отец занедужил болезнью, которая поразила в то время многих прибывших с фронта, и от него часто не было проку для семьи. Однажды летом, когда Ваня стоял на крылечке у дома, в ограду вошел отец с перекошенным лицом и мутным, недобрым взглядом. Нетвердой походкой он прошел в угол двора, за поленницу, и там остановился. Повернув голову, он посмотрел на Ваню. Ваня тоже смотрел на отца, не в силах понять, что происходит: Ваня впервые видел отца, всегда приветливого и улыбающегося, таким агрессивным. Наконец, отец отвел взгляд. А еще через некоторое время он собрался и уехал. Его не

было месяца полтора-два. А когда вернулся, то оказалось, что он теперь совсем не пьет. Ни капли. И многие годы, до самой его смерти, находились люди, даже родственники, которые во время застолий упрашивали: «Афанасий, ну давай хоть по одной, с одной-то ниче-е не будет!». Но отец был непреклонен: он твердо знал, что за первой обязательно последует вторая, потом третья....

Как управлялась мать с четырьмя детьми, сейчас трудно понять. Питались в основном картошкой и капустой. В магазине покупали только самое необходимое и недорогое. Но иногда бывали и праздники. Их устраивал дядя Андрей. Он работал в городе, на большом мясокомбинате, и мог купить то, что мясокомбинат продавал своим работникам за небольшие деньги. Однажды в начале зимы он привез большой мешок, из которого торчали какие-то длинные палки, похожие на бамбуковые, заостренные к концам. Дети недоверчиво смотрели на них, не понимая, что это такое. Оказалось, что это бычьи хвосты, точнее то, что от них оставалось, если снять кожу и обработать. На морозе они замерзли и стучали как деревянные. Отец отрубил половину одного самого длинного хвоста и разломал его на отдельные звенья. К обеду мать потушила их и поставила на стол. К всеобщему удивлению эти почти голые кости оказались удивительно вкусными (или просто сильно хотелось есть?) и все, большие и маленькие, долго и старательно грызли их, испытывая редкое удовольствие. И этот пир мать устраивала всю зиму!

В другой раз дядя Андрей привез (и опять мешок) копченых костей. Надо сказать, что в то время не было таких жульнических премудростей, как, например, «жидкий дым», и кости коптились по-настоящему, что делало их необыкновенно вкусными. (Сейчас Ваня уже старый, ему приходится бороться с холестерином, но он пообещал себе, что, как только холестериновая угроза станет уже неактуальной, купить копченых костей и сделать себе, наконец, небольшой гастрономический подарок!). Кости были двух видов: одни гладкие, от нарубленных ребрышек, и мясные ленточки сдирались с них легко, другие шишковатые, от хребта. Мясо на них было больше и вкуснее, но сложный рельеф этих костей требовал немалой возни с ними. Поэтому детям приходилось каждый раз решать для себя сложную задачу: в какой последовательности нужно брать кости, чтобы успеть насытиться. Пока мать несла тарелку с горой дымящихся костей и ставила ее на стол, все напряженно вглядывались в эту кучу, мысленно намечая ту, единственную, с которой нужно начать, отчетливо понимая, что вариантов будет немного. Ваня старался придерживаться наивыгоднейшей тактики: сначала он брал гладкие ребрышки, чтобы быстро и без помех добыть с них побольше мяса, а когда гора на тарелке истаявала и оставалась лишь последняя возможность поучаствовать в деле, выбирал хребтовую кость побольше, чтобы, уже не торопясь, насладиться ею.

Постарался и отец. Как-то осенью, в начале октября, он пропал. Мать не говорила, где он. Как позже выяснилось, отец со знакомыми мужиками ловил омуль, поднимающийся по реке на нерест. Этот промысел запрещен, но другой возможности поддержать семью у отца не было. Мужикам приходилось не сладко. Охрана постоянно патрулировала береговую кромку, как по суше, так и с воды, и могла прошить автоматной очередью людей, замеченных на реке. Так что приходилось подолгу прятаться на берегу, а если застигнут, то и в ледяной воде. Домой отец вернулся недели через две, ночью, тайком перенеся улов в кладовку. На следующий день они с матерью разделали рыбу, переговариваясь шепотом и строго-настрого запретив детям болтать о чем-нибудь на улице. С этих пор каждый вечер мать выставляла на стол пару омульков, принесенных из холодных сеней и еще с льдинками на чешуе, и тарелку дымящейся картошки в мундирах. После той зимы Ваня на всю жизнь сохранил любовь и уважение к омулю, предпочитая его любой другой рыбе. Когда Ваня, уже став взрослым, иногда привозил домой из ставших далекими родных краев омуль, вовремя выловленный и профессионально, т.е. умелой хозяйкой, посоленный, его сыновья в первый раз ели рыбу с некоторым разочарованием, как будто ждали чего-то значительно большего, но через пару дней их отношение резко менялось.

Эти трудные годы запомнились Ване больше зимами. Летом Ваня пропадал весь день на улице, с ребятами, и вольная, теплая жизнь поглощала его целиком. Зимой же дети больше времени проводили дома: морозы под 40 градусов не располагали к прогулкам. И хотя Ваня вряд ли признавал трудное положение семьи, но общее гнетущее состояние, усиленное нескончаемыми морозами, передавалось и детям.

Однажды в начале марта, когда холода еще не отпустили, Ваня был дома. Открылась дверь, и в клубах холодного воздуха возникла фигура старшего брата. Громко рыдая, он, как был, одетым, упал на кровать: Сталин умер! Известие всех поразило. Мысль была одна: как жить будем? Казалось, что без Сталина им не выжить. Несколько дней все ходили подавленными, со страхом прислушиваясь к каждому слову, вылетающему из трескучего бумажного репродуктора, висевшего большим черным блином на стене. Родители разговаривали между собой вполголоса. Но, странное дело!, прошло время, зима отступила, и жизнь не ухудшилась, да уж, наверное, и некуда было. Где-то в то же время отец преодолел, наконец, свой недуг, стал нормально работать, как все люди, и семья почувствовала облегчение.

Старший брат решил даже подкопить денег. Он взял пустую консервную банку, прорезал в доньшке узкую щель и, перевернув банку вверх дном, прибил ее гвоздями к старому дощатому столу, стоявшему в сарайке вместе с другим хламом. Ване с Варварой эта идея очень понравилась. Они стали помогать брату добывать, где можно, медные копейки и частенько забегали в сарайку посмотреть в щелочку банки, пытаясь разглядеть, что там уже накопилось. Так прошла неделя и вдруг старший брат, зайдя, как обычно, в сарайку, обнаружил копилку искореженной и валяющейся на полу, а все сбережения – исчезнувшими. Поднялся большой шум и плач. Искали виновника, но никто не признавался. Подозрения, однако, пали на Варвару. Что-то больно часто, чаще других, она крутилась возле сарайки. Пришлось отцу разбираться в этом темном и запутанном деле. Он усадил детей вокруг себя на крылечке дома и еще раз поочередно спросил каждого, кто взломал копилку? Никто не признался, а старший брат, сидя в сторонке, утирал горькие слезы. Тогда отец прямоком обратился к Варваре:

Варя, ты взяла деньги?

Нет решительно ответила Варвара.

Тогда кто же?

Не знаю.

Может, кулаковская коза? как бы с сомнением предположил отец. (В соседнем доме жили Кулаковы, державшие, среди прочей живности, белую пучеглазую козу, целыми днями вольно разгуливающую между дворами. Наверное, у нее было какое-то имя, но все ее звали просто кулаковской козой).

Да! неожиданно выпалила Варвара. Точно! Я видела! Она зашла в сарайку и вот так, рогом, рогом! Варвара, для убедительности нагнула голову и стала энергично мотать ею вверх-вниз, показывая, как кулаковская коза взламывает копилку, и косицы ее летали в разные стороны.

А потом, наверное, взяла деньги и пошла в магазин за конфетами... неторопливо развивал Варварину фантазию отец. Тут Варвара как-то осеклась, но настаивать на своем продолжала. Впрочем, всем все стало ясно, и на этом расследование закончилось. Отец выделил старшему брату небольшую компенсацию и тот успокоился. С тех пор многие годы любые нестандартные события, происходившие в семье, объяснялись неблагоприятными действиями кулаковской козы.

В те годы основным продуктом питания деревенских жителей была картошка. Почва в наших местах бедновата, где песчаная, где глинистая, и картошка вырастала мелкой, но вкусной и рассыпчатой. Участки земли при каждом крестьянском доме были большими, хватало места и для картошки. Но у служащих, живших в казенных квартирах, своих участков не было, и им Сельсовет выделял весной землю, каждый раз в новом месте. Той весной Телегиным

отвели 15 соток далеко, за Окуневкой, на заброшенном косогоре, заросшем бурьяном. Родители расстроились, но делать нечего, да и землю уже вспахали. Так что, картошку посадили.

В конце сентября, когда пришло время, отец запряг коня, усадил всех в телегу и повез на поле. Приехали, осмотрелись, и, хотя участок показался всем великоватым, за работу принялись с энтузиазмом. Отец впереди, с лопатой, подкапывая кусты, а все остальные – за ним, вытаскивая клубни и тщательно обследуя каждую лунку. И тут выяснилось, что картошка уродилась крупной, и не одна в каждом кусте, а много. На лицах родителей читались удивление и радость. Для них хороший урожай картошки означал многое. Ваня с Варварой впервые участвовали в таком мероприятии, не умея еще оценить его результаты, но радовались вместе с родителями.

Первые часы все работали увлеченно, но потом все чаще стали разгибаться и с тоской поглядывать на косогор, в надежде увидеть, когда же он закончится. Но косогор и не думал заканчиваться. День выдался теплым, а для сентября так и знойным, и солнце припекало чувствительно.

Первыми не выдержали Ваня с Варварой. Им вдруг пришло в голову, что в большущем овраге сразу за дорогой может найтись что-то интересное, и они давно уже хотят его осмотреть. Их отпустили, и они вприпрыжку помчались в сторону оврага. Прошло минут двадцать, а они все не возвращались. Тогда мать, заявив, что должна найти детей, взяла прутик и тоже направилась в овраг. Там она обнаружила Ваню с Варварой тихо сидящими на песчаном склоне, и решительно предложила им вернуться.

После обеда и краткого отдыха снова принялись за работу. День уже клонился к вечеру, а проклятый косогор все не сдавался. Наконец, в полном молчании, падая от усталости, выкопали последний ряд. И тут выяснилось, что накопили целых семьдесят мешков. Такого урожая в их селе никто и не помнил. Отец, вернувшись в деревню, разыскал грузовик и уже поздно вечером, по темноте, сторонясь лишних глаз, привез картошку домой.

Однако, несмотря на предосторожности, слух о небывалом урожае у Телегиных мгновенно облетел все село. И когда следующей весной Сельсовет распределял землю, телегинский косогор достался заму председателя Райкома, а Телегиных послали в новое место. Но год выдался, по-видимому, неудачный, и ожидания зама председателя не сбылись: картошка у него уродилась мелкая, и даже мельче, чем у других.

Когда Ване с Варварой стукнуло почти семь лет, они засобирались в школу, но напрасно. В тот год детей было много и классов на всех не хватало, а Ване с Варварой до семи еще нужно было расти целый месяц. Школьный двор был обнесен невысоким забором из штакетника, и Ваня с Варварой часто подходили к нему, с тоской глядя через широкие щели на друзей, высыпавших во двор во время перемены. Но однажды счастье улыбнулось и Ване с Варварой. К ним подошла учительница Валентина Петровна, и строго спросила: «Чего стоите? Бегите домой, скажите маме, чтоб вас покормила, и приходите учиться». Как потом выяснилось, в школе организовали дополнительный класс, и это решило судьбу детей. Ваня с Варварой пулей понеслись домой и уже через полчаса, наскоро перекусив и сложив нехитрый школьный инвентарь в заранее сшитые матерью сатиновые сумки, летели в школу.

Глава II. Начальные классы

От учебы в первом классе Ване больше всего запомнилась их первая учительница, Валентина Петровна, худенькая женщина средних лет, одетая в длинную вязанную кофту. Она приехала в село откуда-то издалека, и ни одеждой, ни внешностью, не походила на деревенскую жительницу. Жила Валентина Петровна одна с маленьким сыном, Ваниным ровесником, в небольшом домишке на окраине села, но, несмотря на трудности деревенского быта, нрав имела веселый, а голос – громкий и убедительный. Обычно во время урока стояла напряжен-

ная тишина: для ребяташек все было ново, включая общение со взрослым учителем, и они помалкивали.

На следующее лето, в августе, Ваня с Варварой решили заработать деньги и купить настоящие портфели. Собственно, вариантов для заработка было немного, а точнее один. Нужно было нарвать бурьян, связать из него веники и сдать в местный Потребсоюз, где их принимали по рублю за штуку. В наших краях эти веники используют для подметания пола. Обычно ребяташки рвали бурьян на окраинах села, но так поступали любители, а для промышленной профессиональной заготовки требовался более серьезный подход. Решили уйти подальше. Но одним идти было страшновато, поэтому сколотили артель, человек пять, взяли по куску хлеба и пошли. Пошли по направлению к городу, в то место, где недавно копали картошку и где, по их мнению, бурьян должен расти намного гуще и выше. Перевалили через Окуневку, и через пару часов достигли цели.

Оказалось, что они не ошиблись в расчетах, бурьян в этих местах действительно рос вольно и в таком количестве, что хватило на всех. Быстро наравили, сделали вязанки, перекусили и двинулись назад. Было уже за полдень. Солнце палило прямо в макушку и стало жарко. А груз, как его нести? Ведь когда рвали, всем хотелось побольше, даром же растет, да и зря, что ли, тащились в такую даль? В результате вязанки получились тяжелые и неудобные. Пробовали тащить за спиной, но веревка резала плечо, а груз все норовил сползти вниз. На голове? Вроде не сползает, но начинают болеть шея и заплетаться ноги. А идти километров шесть, из них первые два – в гору. И вот только сейчас артель задумалась: зачем так далеко забрались? Но делать нечего, надо возвращаться. Ваня еще как-то терпел, а бедной худенькой Варваре пришлось совсем туго. Чуть-чуть от нее убавили. Один или два раза их обогнал редкий в ту пору грузовик, полуторка, но не остановился. Да и мог ли, ведь он сам еле-еле, с подвыванием, полз в гору со скоростью, едва позволявшей ему обогнать стайку ребят. Так, изнемогая, перекладывая вязанку с головы на плечи и обратно, с частыми отдыхами, добрались до вершины горы. Стало веселей. Во-первых, теперь только вниз, под-гору, во-вторых, скоро уже и дом будет виден.

Как усталые, потные, голодные к вечеру доплелись до дому, они не помнят. Но настал следующий день, и все образовалось как нельзя лучше. Отец сам связал веники и организовал их сдачу. А еще через день Ваня с Варварой получили зарплату по тридцать рублей каждому. Этого как раз хватило на портфель и все необходимые принадлежности. И хотя их новые портфели были точно такими же, как у других школьников, Ваня с Варварой очень гордились своими.

Походив с полгодика в первый класс и одолев грамоту (т.е. научившись читать), Ваня решил, что пора записаться в библиотеку. Библиотека располагалась в покосившемся деревянном домишке в школьном дворе. Работала в ней пожилая одинокая женщина Надежда Ильинична. Жила она по соседству в другом деревянном домишке и, не обремененная хозяйством, почти все время проводила в библиотеке. Там она располагалась за небольшим столом прямо перед входной дверью, просматривая и заполняя какие-то бумажки. Посетителей было мало, и Надежда Ильинична искренне радовалась всем, не упуская возможность поговорить немного с каждым. Когда Ваня открыл толстую скрипучую дверь и оказался на пороге, Надежда Ильинична с удивлением и улыбкой посмотрела на него. Да и как было не удивиться, когда представший перед ней новый читатель даже в шапке едва доставал до дверной ручки! (В то время Ваня был невысоким, и в школе на классной линейке, где учеников выстраивали по росту, всегда оказывался в самом конце). Надежда Ильинична подробно расспросила Ваню, чей он, где живет, в каком классе учится, после чего разрешила пройти в небольшое хранилище, начинавшееся прямо за ее спиной, и выбрать книгу.

В то первое посещение библиотеки Ваню поразили две вещи: какие-то необыкновенной толщины книги, стоящие на одной из нижних полок (таких толстых книг Ваня никогда прежде не видел), и стойкий, ни с чем несравнимый, запах бумажной библиотечной пыли. Надежда

Ильинична показала ему полку, где стояли самые тоненькие книжки, и он, не торопясь, принялся их рассматривать. Для начала Ваня выбрал две книги. Одна содержала историю о ежике, который заготавливал яблоки на зиму, а вторая называлась «Подружки идут в школу». С тех пор прошло уже много-много лет, а картинки на книжных обложках, на одной - ежик с яблоком на спине, а на другой - две девчонки в белых школьных фартуках и с портфелями в руках, все еще остаются в Ваниной памяти.

Первые годы Ваня учился как бы «не сознавая себя». Не особенно старался, да и некогда было. Во-первых, Ваня пристрастился читать книжки, а на это уходило много времени. Во-вторых, теперь и зимой стало больше дел на улице. Поэтому домашние задания делались всегда абы как, на скорую руку. Но Ване помогала его память, ничем не захламленная в те годы, и он хорошо помнил все, о чем говорилось на предыдущем уроке (и не только: он мог ясно, в деталях, вспомнить почти каждый день всей прошедшей жизни за несколько лет). Кроме того, Ваня писал, почти не делая ошибок. Правда, в первые же дни школы Ваня сильно сконфузился, написав слово «корова» с буквой «а». Но ему объяснили, что не все пишется так, как слышится, и дальше пошло лучше. Позднее Ваня узнал, что довольно часто встречаются люди, пишущие грамотно не потому, что знают правила правописания, а интуитивно. Ваня подумал, что грамотным человека делает его слух. У кого есть музыкальный слух, тот и пишет правильно, причем не раздумывая, «на автопилоте». Однако доказать или опровергнуть этот тезис как-то не довелось.

Первым поводом к «осознанию себя» послужил, к сожалению, неприятный случай («не было бы счастья, да несчастье помогло!»). Как-то летом, в августе, Ваня, забегая на кучу приготовленных для строительства бревен (удачное место для игр!), остушился, упал и сильно ударился головой. Говорили: «страхнул голову!». Дело дошло до больницы, но местные врачи ничем помочь не смогли, понадобилось диагностическое оборудование, которого в деревне не было, и Ваню направили в Город.

В то время в Городе общественного транспорта почти не было, и матери пришлось водить не совсем вменяемого Ваню за руку по каким-то высохшим каменистым пустырям от одной больницы к другой под еще жарким солнцем. Так продолжалось несколько дней. Наконец, врачи были удовлетворены, прописали уколы и запретили Ване учиться до самого Нового года. Ваня испугался: а если отстанет в учебе и не догонит?

Но прошло некоторое время, Ванино здоровье восстановилось, и Ваня стал вести привольную жизнь, которая ему очень понравилась.

Утром Ваня не спеша подымался с постели, когда Варвара была уже в школе, не спеша завтракал и шел на улицу. Осень стояла теплая, все друзья были в школе, и Ваня неторопливо прохаживался, оценивая все, что происходило вокруг. Вот, размахивая руками, широким шагом прошла мимо высокая худая женщина с повязкой на глазу. В деревне ее называли «Камбала одноглазая». Она курила на ходу «беломорину» и привычно громко, на всю улицу, ругалась на кого-то очень плохими словами. (Ваня слова эти знал, их все знали, а речь некоторых жителей только из них и состояла). Мужики ее не то, чтобы побаивались, но старались не связываться: при случае она могла дать сдачи, да еще и ославить на всю деревню. Вот мимо прогрохотала телега с незнакомым мужиком, видно, из соседнего села. Ваня не упустил случая, телегу догнал и запрыгнул на задок. Мужик сделал вид, что не заметил, но и Ваня не нагличал, прокатился немного и спрыгнул. Потом Ваня шел к матери на работу. Мать в то время заведовала продуктовым складом в Потребсоюзе. Склад был недалеко: только перейти улицу и обогнуть забор. На проходной сидел сторож, но Ваню здесь знали и молча пропускали. Склад на самом деле был просто амбаром средних размеров, где по стенкам стояли мешки и ящики, а посередине, ближе к входу, располагались большие напольные весы с плоскими гирьками.

В тот день Ваня обнаружил на складе большую кучу мешков около одной из стен. Оказалось, что это поступили сухофрукты из Средней Азии. Ваня забрался на кучу и на одном

из мешков обнаружил круглую дырочку, небольшую, размером с трехкопеечную монетку, но вполне пригодную для того, чтобы пальцем выковырнуть сушеный урюк или даже грушу. Ваня, лежа на мешках, блаженствовал! Мать, покосившись на Ваню, ничего не сказала. В то время порядки в стране были строгими, но допустимый процент на усушку и утруску продуктов существовал, поэтому небольшая потеря в весе прощалась. Да и как могла мать запретить Ване съесть несколько штук, ведь ребенок больной, и фруктов от рождения не видел, не было их в деревне.

Так Ваня комфортно проводил время. Но дни шли, наступил Новый год, а потом и третья четверть в школе, и Ваня снова сел за парту. Первое время Ваня сидел молча, стараясь постичь то, что делается на уроке. Но через пару недель Ваня робко поднял руку и ответил на вопрос учителя. Дальше пошло еще лучше, и к концу учебного года Ваня уже стал одним из первых учеников в классе. И тут Ваня впервые осознал свою силу в учебе. Ваня не зазнался, нет, но стал как-то даже внимательнее относиться ко всем предметам, чтобы «не терять высоты», как сказал бы он сам лет через тридцать.

Тем временем предметы в школе понемногу усложнялись. На следующий год в математике появилось новое действие – квадратный корень. То ли Ваня был чем-то занят на уроке и прослушал, когда его объясняли, то ли детский его ум еще был не развит, но, делая уроки, Ваня вдруг обнаружил, что не понимает, что означает этот новый значок. Раньше Ваня, не желая особенно разбираться в мудреной задачке типа «если килограмм гречки стоит столько-то, а два килограмма сахара столько-то, то сколько будет стоить ...», подходил к отцу, и тот охотно помогал ему, поскольку такие задачки отцу приходилось решать каждый день. Но в этот раз он посмотрел в учебник и переспросил:

Квадратный корень?

Да ответил Ваня.

Отец радостно рассмеялся:

Все, этого я уже не знаю!

Тут и Ваня не то, чтобы понял, а почувствовал: все, надо начинать жить серьезно и дальше продвигаться самому.

В первые годы учебы семья проживала в маленькой «казенной» квартире в центре села. Зимы были очень холодными, а печка – плохонькой, и тепла долго не держала. Поэтому приходилось с вечера натапливать ее как следует, чтобы хватило до утра. Но мало было истопить, нужно еще вовремя закрыть печную задвижку, чтобы тепло не уносилось наружу. Дело это не совсем простое, как может показаться: закроешь раньше времени печка окажется с угаром, закроешь позже упустишь тепло. Обычно задвижку закрывали отец или мать перед сном. Но два раза они ошиблись. И тогда могло случиться непоправимое, но родители, вовремя почувствовав ночью угарный газ, вскакивали и спасали крепко спавших детей. Сразу всех выводили на воздух, а позже, отдышавшись и проветрив жилье, отпаивали чаем с брусникой. И все вместе сидели за столом до утра, стойчески перенося сильную боль в голове.

Школьный день для Вани с Варварой начинался затемно (зимой поздно светает). Их, сонных и вялых, мать поднимала и отправляла умываться и одеваться. Закончив кое-как эти процедуры, садились завтракать. Потом наскоро гладили пионерские галстуки, потеряв их о бок пузатого горячего самовара, тускло блестевшего на столе прямо перед ними, и бежали в школу. В пятидесятые годы зимы в Сибири были очень холодными. Обычно в январе целую неделю стоял сорокаградусный мороз. Если температура опускалась еще ниже, по деревенскому радио школьников извещали, что занятия отменяются. Дети были довольны: их радовала даже не сама возможность не ходить в школу, а то, что оповещение обращено именно к ним, как ко взрослым, что о них помнят, заботятся.

В такие дни мать, выглянув утром в низкое, наполовину замерзшее оконце, с тревогой смотрела на дым из труб соседних домов, который не поднимался вверх, как обычно, а сте-

лился по земле. Конечно, мать боялась за детей, которые были одеты бедновато, не по такой погоде. Обычно Варвара ходила в потертом пуховом платке и ватном пальтишке, а Ваня – в шапке и телогрейке, на ногах – валенки. В самый холод мать наворачивала ребятам газеты на ноги поверх обычных портяночек: для тепла. Дорога в школу занимала немного времени, минут пятнадцать, но дети все равно успевали замерзнуть так, что незащищённая кожа на лице деревенела, а пальцы в рукавичках начинало щипать от боли.

Придя из школы и пообедав, Ваня с Варварой садились за тот же кухонный стол делать уроки. Поскорее покончив с этим, Ваня брал книжку и устраивался поудобней. Как-то раз зимой, когда Ваня оказался один дома и сидел «с книжечкой», как, сердясь, язвительно говорила Варвара, открылась дверь и вошли трое незнакомых мужиков. Они вполне дружелюбно и не грубо попросили Ваню дать им стаканы и разрешить посидеть немножко. Ваня разрешил, да и не мог не разрешить. Мужики сели за стол рядом с Ваней и достали бутылку водки. Надо сказать, они понимали, что сидеть долго и тем самым подвести Ваню нельзя, поэтому бутылку выпили хоть и спокойно, но споро. Уходя, они в знак благодарности оставили Ване кусок докторской колбасы. Ваня некоторое время с недоумением смотрел на нее. Что делать? Съесть? Но как-то совестно есть одному, втихаря. Оставить, чтобы всем досталось? Но тогда родители узнают, что Ваня наделал, и будут ругать его. Ваня посидел, подумал и выбрал первый вариант.

В то время каждый год школа устраивала в клубе концерт. Жители села любили эти представления, и зал обычно был полон – всем было интересно посмотреть на своих детей. К тому же, заезжие артисты нечасто баловали сельчан. Начиная с третьего класса, Ваня с Варварой были неизменными ведущими школьных концертов, «объявляли номера». Столь важным назначением они отчасти были обязаны своим звонким голосам и отличной дикцией, отчасти тому, что составляли идеальную пару, поскольку были единственными среди школьников двойняшками, что выделяло их в глазах сельчан, особенно женщин.

Вот перед тяжелыми шторами занавеса, по краю сцены с разных сторон выходят Ваня и Варвара. Зал замирает и в тишине раздается громкий голос Варвары:

Начинаем концерт... средней школы.

Гремят аплодисменты. Тут подхватывает Ваня:

Первым номером нашей программы выступает хор, который исполнит песню

Опять аплодисменты. Шторы ползут в стороны, и на сцене перед зрителями предстают ученики всех классов, от мала до велика, выстроенные рядами по росту. Баянист дает первые аккорды и по команде все дружно начинают. Традиционно исполнялась патриотическая песня о Родине. Когда пение заканчивалось, и исполнители с шумом убегали за кулисы, объявлялась «пирамида». На сцену выходила группа школьников разного возраста, в трусах и майках. Ответственный за номер физрук школы из-за кулис шепотом, слышным всему залу, отдавал команды: «Делай раз!», и крепкие старшеклассники брались за руки, а ребята помладше вставали к ним на плечи. «Делай два!», и школьники еще поменьше взлетали на плечи предыдущим, образуя уже третий ярус. «Делай три!», и на вершине пирамиды непостижимым образом оказывался совсем уж незначительный пятиклассник и отдавал пионерский салют. В зале одобрительный гул, аплодисменты и испуганные вскрики: все построение немножко пошатывалось от напряжения и у некоторых зрительниц не выдерживали нервы. Но все всегда заканчивалось благополучно, и концерт продолжался. Варвара иногда выступала и с сольным номером. У нее был красивый и сильный голос, и она пела. Ваня тоже неплохо пел, но выступать со сцены не отваживался.

Глава III. Деревня

Деревня, в которой проживала Ванина семья, принадлежала к старинным забайкальским поселениям. Две гряды гор образовывали долину, в которой узкой лентой с востока на запад километров пять тянулась практически единственная деревенская улица. Говорят, что когда-

то давно, еще в начале восемнадцатого века, тех людей в России, кто не принял церковную реформу (т.е. крестился «щепотью», а не «кукишем»), ссылали в Сибирь на поселенье. Эти-то ссыльные, их называли «семейскими», и начали строиться здесь, образовав западное крыло села. Потом стали прибывать люди из других мест Сибири и застраивать оставшееся место. С тех пор вся восточная часть села называлась Сибирью, а живущие там называли себя сибиряками. А посередине села оказались не сибиряки, не семейские, а просто русские люди без специального обозначения.

Ванина семья жила сначала на семейской стороне, потом посередине села, а потом снова оказалась в том дворе, где Ваня с Варварой родились. Рядом с их последним местом жительства стоял дом, построенный семейскими, как говорили, чуть ли не 200 лет назад. Он был сложен из могучих бревен, немного врос в землю, но не покосился и не сгнил. По-видимому, в те времена, когда село только начиналось, вокруг стоял величественный нетронутый лес, который сейчас уже не встречается.

Горы, окружавшие деревню, были постоянным источником увлечений всех ребят. Сначала, когда Ване с Варварой было лет пять-шесть, старший брат брал их с собой кататься на санках. Санки были самодельными, деревянными, а горы - высокими и крутыми. Разогнавшись с горы так, что глаза приходилось почти закрывать под напором ледяного обжигающего ветра, а душа уходила в пятки от страха, санки в конце спуска с разгона попадали на небольшой трамплин и взмывали вверх, отчего Ванино сердце вообще переставало биться в ожидании неминуемой катастрофы. Но все обходилось, хотя, конечно, случалось, и переворачивались при приземлении, и тогда все трое катились кубарем кто куда. Домой возвращались покрытые толстым слоем льда и затвердевшего снега. Сняв с себя всю одеревенелую одежду и развесив ее для просушки, дети усаживались у печки и молча блаженствовали от проникающего до самых промерзших косточек тепла и сладкой ломоты во всем теле.

Чуть позднее Ваня перешел на лыжи. Первые его лыжи тоже были самодельными. Делал их старший брат из каких-то обструганных дощечек. Сначала нужно было загнуть концы этих деревяшек так, чтобы они походили на лыжи. Для этого брат ставил большую кастрюлю с водой на плиту, погружал в нее концы заготовок и держал в теплой воде до размягчения дерева. Сырые и разбухшие концы он запихивал в какую-то щель и понемногу загибал. Затем, после высушивания, к деревяшкам прибавлялись полоски кожи, выполняющие роль креплений. Все, лыжи готовы! Оставалось только поставить ногу в крепления и покрепче обмотать валенок кожаными полосками, чтоб лыжи не свалились. Потом появились магазинные лыжи, которые, конечно, были лучше самодельных, но ненамного.

На таких лыжах, часто их ломая, Ваня с друзьями катался до самозабвения. Надо сказать, что в деревне катание с гор было очень популярным занятием среди всех школьников, младших и старших, уже десятиклассников. Если выходной день выдавался теплым, то у высокой горы с крутым, но гладким спуском (каких в деревне была не одна), собиралась толпа, и самые старшие показывали класс, на огромной скорости скатываясь с вершины и эффектно тормозя внизу, поднимая облако снега. Маленьким, как Ваня, позволялось забираться не до самого конца, а съехать, например, с середины, но уж если по неразумности вскарабкался на вершину, с которой и смотреть-то вниз было страшно, то делать нечего, приходилось, холодея всем нутром, бросаться, очертя голову, вниз.

Накатавшись с высокой горы маленькие, по дороге домой, оттачивали мастерство в сравнительно небольших овражках. Верхняя песчаная кромка оврага выветривалась и превращалась в отвесный обрыв высотой около метра, а затем шел обычный спуск. Вот с такого-то трамплина, с места, и предстояло прыгнуть и удержаться на ногах. Сложность маневра состояла в том, что, если начинать его робко, с недостаточной скоростью, то передние концы лыж касались земли под обрывом, в то время как задние были еще на обрыве, и лыжи ломались под тяжестью хозяина. Поэтому нужно было подойти поближе к кромке и, собравшись, сильно оттолкнуться,

так, чтобы успеть проскочить опасное промежуточное положение. Ванин друг Вовка владел этим искусством в совершенстве, но и Ваня был неплох. Когда Ваня учился в пятом классе, в школе появился новый учитель по физике. Он был мастером спорта по лыжным гонкам и, тренируясь, избегал все окрестные горы. Однажды он увидел, как Ваня с Вовкой прыгают с трамплинов, и на следующий день с восхищением рассказывал об этом в школе.

Зимними вечерами в деревне мужчинам делать нечего. Никакими поделками они не занимались, не было надобности, телевизор еще не появился. И мужики часто ходили к знакомым в гости, посидеть, поговорить. К отцу приходил его брат, Михаил. В телогрейке, в серых высоких валенках, он садился у входной двери, не раздеваясь, хотя в доме было тепло, и никакими силами его нельзя было заставить пройти в комнату. Так они и сидели: отец за столом в кухне, а Михаил – в конце узенького коридорчика из кухни ко входу. Разговор был неспешным. Деревенские события были слишком мелкими для обсуждения, да и не любили они сплетничать, поэтому говорили, в основном, о политике, перекидываясь короткими фразами, иногда надолго умолкая. Эти паузы их нисколько не смущали. Ване нравилось слушать их неторопливую беседу, слышать их голоса. Он не вникал особенно в суть разговора, а просто с интересом следил, как и отец, и Михаил, пытались простодушно, на деревенский лад, представить прочитанное в газете или услышанное по радио, выдавая это за свой собственный анализ.

Только один раз они по-настоящему взволновались. Оба прочитали книжку рассказов Конан Дойла. Прочитанное задело их за живое, поскольку во всех подробностях бурных и кровавых событий, творившихся вокруг великого сыщика, они «разобрались» так, как если бы сами в них участвовали. Подолгу и возбужденно они обсуждали и растолковывали друг другу смысл поступков героев рассказов, попутно восхищаясь умом автора.

И что характерно, он все объясняет!

с жаром заключал отец, комментируя манеру писателя, и оба снова погружались в детали того, что происходило на улицах далекого города Лондона, ставшего на время родным.

Сам отец частенько ходил к знакомым старикам, деду Антону и бабке Антошихе. На самом деле бабушку звали Авдотьей, но в деревне имена как-то не прививались. Ваня тоже любил бывать у них. Однажды, зайдя к ним зимой, Ваня увидел расхаживающего по двору деда Антона в какой-то легонькой фуфайке, с непокрытой седой головой и метлой в руках. Эта картинка запала Ване в душу: несмотря на возраст (ему было за 70), дед Антон оставался по-крестьянски здоровым и закаленным человеком, чему можно было только позавидовать. Дед Антон был не особенно разговорчивым, зато словоохотливая бабушка с лихвой компенсировала мужнину молчаливость. Эта подвижная, худощавая старушка, с лицом, ставшим коричневым от времени, большими черными на выкате глазами, черными же вразлет бровями и горбатым носом, была истинным хозяином в доме. Больше всего она походила на цыганку или на бабу Ягу, но не злую и коварную, а веселую и озорную. Ходила в неизменном семейском наряде, т.е. сарафане, кичке и с крупными желто-коричневыми бусами на шее. Бабушка расхаживала по двору в бесконечных крестьянских заботах, и если отдавала распоряжения, то делала это весело и незлобно, так, что ей никто не возражал. Никогда Ваня не видел бабушку Антошиху задумчивой или печальной, никогда не слышал, чтобы она ругала кого-то.

Долгое время бабушка была как бы домашним Ваниным врачом. Все Ванины болезни она лечила одним способом. Когда у Вани образовался на руке небольшой нарыв от необработанной ранки, бабушка повела его в амбар, сняла с полки литровую банку солидола, почерневшего от времени, и, зачерпнув полную ладошку, широким мазком положила чуть не на всю руку. Через два дня все прошло. В другой раз у Вани заболела нога, и опять бабушка Антошиха, амбар, солидол и... нога как новенькая.

Лет через десять Ваня, приехав домой на каникулы, узнал, что бабушка Антошиха померла. Похоронили ее на солнечном пригорке немного в стороне от кладбища, но поближе к дому. Ваня с грустью посидел у ее неприметной могилки, вспоминая все светлые минуты детства,

связанные с ней. Как оказалось, это был едва ли не единственный случай, когда Ваня сознательно, не по соблюдению обязательной даты, пришел на могилу человека, с которым не состоял в родстве.

У Вани иногда сильно болела голова после того, как он «стряхнул» ее. Тогда мать вела его к другой старухе, Лефашихе, «править голову». В противоположность Антошихе, Лефашиха была высокой, прямой, молчаливой старухой, с бледным худым лицом и глубоко посаженными выпуклыми глазами. Она сажала Ваню на табуретку посреди пустого двора, вынимала из кармана тонкую старую бечевку и мерила окружность Ваниной головы, угольком делая отметку на бечевке. Потом она принималась мять голову, время от времени повторяя измерения, и каждый раз отметка на бечевке приходилась на другое место. Не то Ванина голова уменьшалась, не то, наоборот, разбухала под ее руками, этого Ваня не узнал. Но минут через пятнадцать энергичного растирания боль проходила.

Потом долгое время Ваня вспоминал эту процедуру и при удобном случае с улыбкой рассказывал о ней друзьям как о забавном деревенском чуде. Но поскольку головная боль часто преследовала уже взрослого Ваню, то однажды он задумался, а что же Лефашиха с ним делала? И вдруг, спустя каких-нибудь пятьдесят лет, простое и очевидное предположение посетило его невзыскательное воображение: да она же просто массировала Ванину голову, приводя в норму сосуды под кожей, которые по каким-то причинам оказывались суженными (или, наоборот, расширенными, кто их знает) и создавали неправильное давление на примыкающую ткань. А раз так, то Ваня и сам может снимать боль. Он попробовал, и получилось! Надо только очень сильно, не жалея себя, пальцами растирать те участки под кожей, которые сама голова и подсказывала.

Когда Ваня с Варварой учились еще в четвертом классе, старшая сестра уже окончила школу и уехала в Город осваивать профессию бухгалтера. За ней последовал и старший брат, поступивший в ПТУ при заводе. Мать с отцом подкопили немного денег и купили дом (за 1200 руб., а всем говорили, что за 800). До сих пор они жили в казенной квартире. Новый дом был на самом деле не новым, а уже вполне приличного возраста, но для Телегиных он был первым собственным домом. При доме был большой участок, позволявший посадить огород, разбить небольшой сад и еще оставалось место для картошки. Дом стоял посреди двора («не в улицу», как говорили деревенские, и снисходительно кривили губы), по странному стечению обстоятельств как раз того самого, где когда-то, в раннем Ванином детстве, его чуть не забила корова Майка. Во дворе напротив дома располагался амбар с сохранившимися чертами старинных деревенских построек. По деревенским меркам дом был средних размеров, с высоким крыльцом и остекленной верандой, по стенам которой тянулись синие и розовые выюнки. Летом двор наполовину зарастал мелкой травой, что его только украшало, и по ней от ворот до крыльца тянулась песчаная тропка. Вокруг дома Телегины посадили сад и огородили его легким заборчиком, чтобы не забредали куры.

Сад в Забайкалье не очень похож на настоящий. В саду у Телегиных росли кусты малины, смородины, сирень с черемухой, и одно дерево «сибирской яблони», иначе ранетки. После этого все окна дома стали выходить в сад.

Через пару лет наняли двух плотников, которые поставили в огороде баню. А еще через некоторое время отец с Ваней (Ваня уже стал крепнуть к этому времени) соорудили в огороде небольшой бассейн, служивший не для купания, а как резервуар для воды, которой поливали огород. Почистили немного старый колодец и установили в нем электрический насос, а по всему саду и огороду протянули водопровод. В самом доме дальний родственник отца, искусный столяр, установил филенчатые двери между комнатами, покрасив их в яркий голубой цвет, отчего дом преобразился и помолодел.

Так постепенно дом превратился в уютное жилище, в котором все, и большие, и маленькие, любили бывать. Прошло время, дети разъехались, отец с матерью умерли, в доме стало

некому жить и его пришлось продать. Как-то Ваня, уже совсем старик, получил по электронной почте фотографии, при виде которых у него сжалось сердце. Это были фотографии макета их старенького дома, сделанного Ваниным племянником Серегой и уже его внуком Дениской. Серега в детстве много времени проводил в этом доме, у деда с бабкой, и тоска по дому жила в нем так же, как у всех остальных.

В новом хозяйстве родители с энтузиазмом принялись сажать огород, благо было где. Лето в наших краях короткое и жаркое, но некоторые культуры успевали дать неплохой урожай, не смотря на жесткие условия. Отец, войдя во вкус после первых скромных опытов и, как многие мужчины, мыслящий масштабно, но не практично, решил резко увеличить огородное хозяйство.

В то время он работал в организации, ведающий приемкой для мясокомбината скота у окрестных колхозов и населения. Отец был начальником, а в штате, кроме него, состоял еще один человек, выполнявший функции сторожа. Надо сказать, рабочий график у отца был странным. Скот обычно сдавали только осенью, в августе-октябре, но массово, и тут приходилось работать так, что иногда даже не оставалось время для сна. Зато зимой и весной делать было практически нечего. В своей организации отец имел неограниченный доступ к тому, что в светском обществе стыдливо называют «органическим удобрением».

И вот однажды в мае отец пригнал два больших грузовика с этой «органикой». Из нее он соорудил два длинных, метров по десять, парника, вдоль забора в огороде, а мать посадила в них огурцы. Все утроилось как нельзя лучше, парники немножко «горели», подогревая всходы в еще прохладные весенние дни, и они быстро развивались. Каждый день отец сам поливал их, выливая по ведру воды в каждую лунку. Огурцы, наконец, выросли, зацвели, и пришло время собирать урожай.

В первый же раз собрали целый мешок огурцов! Родители ходили с довольными улыбками, а дети были просто счастливы. Они и не ожидали такого результата. Однако через два-три дня огурцы снова выросли и были собраны. Опять мешок! Родители по-прежнему улыбались, но уже как-то натянуто. После третьего сбора, превысившего предыдущие, отец, не готовый к такому развитию событий, загрустил. Он сел на крылечко и задумчиво опустил голову. Что делать? Куда их девать? Впереди еще почти месяц активной фазы созревания овоща, а все потребности семьи уже насыщены. Уничтожать выращенный урожай в деревне решится разве что сумасшедший, поэтому выход был только один: ходить по соседям и раздавать эти постылые огурцы, что и пришлось делать. Так что, в то лето ранних заморозков в начале августа ждали как избавления.

Самое странное, однако, заключалось в том, что этот урок отца не образумил. Через три-четыре года он примерно по тому же сценарию навывращивал малину. И тоже пришлось раздавать. Так замечательные поначалу идеи превращались в нечто противоположное.

Перед домом, через полоску земли, вмещавшую другую сторону улицы, начиналась гора. Сначала шел пригорок с редкими кряжистыми соснами, затем начиналась основная гора, густо поросшая мелкими сосенками. На пригорке раскинулось семейское кладбище (сибиряки «разместились» в другом месте). Весной расцветал багульник, и поляны на склоне горы из бурых становились розовыми. Ребятишки, конечно, сразу устремлялись в лес по двое, по трое, но настоящий праздник начинался только после дождя. Когда, наконец, долгожданный дождик проливался, все вокруг приобретало удивительную ясность и чистоту, даже слабые и смешанные запахи становились различимыми. И тут ребята гурьбой шли в лес. Нежные цветы багульника, набравшие влагу, становились сочными и сладкими. Дети, не избалованные конфетами, наслаждались, пощипывая цветочки каждый со своего кустика. К вкусу цветов примешивался волшебный запах веток багульника. Этот запах иногда вспоминался взрослому Ване, когда он просыпался ночью и долго лежал без сна. Но в том месте, где Ваня теперь жил, багульник не рос.

А ближе к осени в лесу появлялись грибы. Почва вокруг деревни была песчаная, лес - из мелкого сосняка, на земле – толстый слой хвои. Поэтому грибов, милых сердцу европейского жителя, белых, подберезовиков и др., деревенские жители никогда не видели и не знали. Зато в их лесу рос рыжик. Отличный рыжик, твердый, крепкий, чистый и в некоторые годы многочисленный. Были еще какие-то грибы, название которых не все и знали, но их за грибы не считали, а если попадались - пинали. Небольшую добычу, которую обычно приносили Ваня с Варварой, мать жарила с картошкой. Отличный получался ужин! А настоящий сбор, когда счет шел на ведра, делал уже отец со старшим братом в конце сентября, и все добытое солилось на зиму.

Ваня, оказавшись позднее жителем Западносибирских равнин, иногда собирал рыжики и в здешних лесах, но никакого удовлетворения не получал. Западносибирский рыжик значительно уступал Забайкальскому по всем характеристикам, а главное – по вкусу.

Как-то осенью Ваня с женой Лерой приехали к Ваниным родителям погостить. Конечно, пошли в лес посмотреть, как там рыжики? Лера привыкла собирать грибы в Ярославских лесах, где под огромной мохнатой елью на зеленой густой траве вдруг открывалась дружная крепкая семья во главе с самым большим и толстым красавцем-боровиком. Хоть бросай все и немедленно садись писать картину. И здесь она ожидала увидеть нечто подобное. Но ничего не было. Вокруг стояли худые сосенки, и унылая ровная хвоя под ними.

Неожиданно Ваня сделал два шага в сторону от тропы, зачем-то нагнулся и ковырнул ножичком хвою. В следующее мгновение в его руках засверкал на солнце невесть откуда взявшийся рыжик. Твердый, словно деревянный, с еще мокрой от росы желто-оранжевой шляпкой, с идеальным рисунком пластинчатых спор и аккуратным ярким колечком среза на ножке. Ваня с Лерой полюбовались находкой, но при этом Лера выразила удивление по поводу истории ее обнаружения. Тогда Ваня объяснил, что искать-то нужно не сам гриб, он запрятан глубоко под хвоей, а небольшой холмик на хвое, как бы домик гриба.

Пошли дальше. Ваня продолжал нагибаться и вытаскивать рыжики, а Лере ничего не попадалось, хотя Ваня и показывал ей грибные хатки перед тем, как вскрыть их. Настроение Леры заметно ухудшилось, и она начала выражать недовольство тем, как сбор грибов происходит. Тогда Ваня подвел Леру прямо к грибному домику и предложил ей самой срезать рыжик. Но и в этом случае Лера не смогла его найти. Тут Лериному терпению пришел конец, на глазах ее закипели слезы, она обвинила всех - лес, рыжики, а в первую очередь самого Ваню, - во враждебном к ней отношении, и потребовала немедленно отвести ее домой.

В новом доме Телегины стали обзаводиться домашним хозяйством. Первым делом купили пару десятков маленьких желтых цыплят. Дети были в восторге, ведь куры нанесут много яиц и дадут много вкусного мяса. Но вот цыплята подросли и из коробки, ставшей для них тесной, вывалились во двор. А с ними вывалилась и целая куча хлопот. Надо было постоянно следить, чтобы они не пролезли в огород. Надо было заготавливать им какой-то корм. Наконец, их двор, всегда такой чистый, стал опасным для хождения. Ваня это почувствовал особенно остро, так как все лето проводил босиком. Так что, эйфория по поводу легкого и сытного житья с курами как-то быстро прошла.

Потом одно время держали уток. Те же проблемы. К тому же мать почему-то брезговала есть утиные яйца. Она не объясняла, почему, и все остальные ели их обычным порядком. Яйца, как яйца, только покрупнее куриных и желток не желтый, а какой-то буро-синий.

Держали и поросенка. Поросенок хоть, слава богу, сидел в своей загородке и не бегал по двору, хотя летом, в жару, очень даже напоминал о себе в любом уголке двора. Ваня и поросенок невзлюбил, потому что родители вменили в Ванины обязанности каждый вечер заготавливать для него целое ведро крапивы, а потом, мелко порубив ее, заваривать кипятком пополам с вареной картошкой или комбикормом. Пока Ваня это делал, поросенок визжал от нетерпения. Он вообще все время хотел есть.

Но время шло, приходила осень, и поросенок превращался в тучную, сонную свинью. Наконец, наступал ноябрь. В деревне домашний скот забивают на ноябрьские праздники (7 ноября). Для этого есть несколько важных технических причин. Во-первых, кончается трава (подножный корм, как говорят крестьяне) и держать скотину становится невыгодным. Во-вторых, холодильников для хранения мяса в то время не было, и осенне-зимние холода решали эту проблему. В-третьих, если летом можно было прожить огородом, то зимой требовалось более серьезное питание. Наконец, праздник наступал!

У отца был знакомый, редкий специалист по забою скотины. Звали его старик Воробьев. Высокий, костлявый, с отвисшими усами, неторопливой походкой и неторопливой речью. Приглашался неизменно он. Отец с вечера приготавливал все, что нужно было для завтрашней операции: кучку дров для костра, свежую солому, чистые тряпки, ведра и прочее. Старик Воробьев приходил затемно, в начале пятого утра. Весь инструмент приносил с собой. Ване было любопытно посмотреть, как все происходит, и как только в доме начинали хлопать двери, вскакивал и Ваня.

Покурив махорку, старик Воробьев с отцом некоторое время ходили вокруг загородки, оценивая обстановку: как ведет себя жертва, куда ее загнать, где лучше встать и т.д. Наконец, старик Воробьев вставал на выбранную позицию, поднимал старое ружьишко и прицеливался. Раздавался негромкий хлопок, и оглушенная свинья падала на бок. Вот тут, если промедлить, животное может вскоре опомниться и начать с невыносимым визгом метаться в разные стороны, круша все на своем пути. Этого допустить ни в коем случае нельзя. Поэтому уже в следующее мгновение старик Воробьев, демонстрируя совсем не стариковскую живость, оказывался рядом с поверженным животным и наносил точный удар ножом. В наше время не принято описывать жестокие сцены, пропустим и мы следующие несколько минут.

Дальше начинался несуетливый процесс: мертвую уже свинью разрезали, вытаскивали внутренности, мыли, чистили, скребли, опаливали щетину на костре, удобно укладывали на солому, обливали кипятком и укрывали чистой тряпкой. И тут, о, мгновенье!, Ваню с Варварой сажали верхом на свинью! Наверное, это нужно было для того, чтобы свиная шкурка, самая важная часть сала, хорошенько отпарилась и стала нежной и мягкой. Звать Ваню с Варварой не было необходимости, они давно уже тут вертелись. На дворе стояло ясное осеннее утро, солнце еще не взошло, в воздухе пахло паленой щетиной, и Ване с Варварой было очень хорошо сидеть на теплой, мягкой туше!

Так продолжалось минут десять-пятнадцать. Затем процесс разделки продолжался. Подходила мать с большим тазом и ей отрезали всего понемногу из различных мест: от печени, от сердца, от самого нежного мяса, какого-то особенного жира и бог знает, чего еще. Мать нарезала все это вместе большими кусками на огромную сковороду и готовила свежинку (так это называлось в деревне). Наконец, мужчины завершали дело, прибирали за собой, мыли руки, и все садились за стол. Старик Воробьев выпивал стаканчик водки, вытирал усы и первым цеплял на вилку кусок свежинки. Это время ушло, ушло! Никогда, никогда уже холодным предзимним утром Ваня не окажется за тесным деревенским столом в кругу дорогих ему людей и не попробует лучшее на свете блюдо свежинку!

Пару раз для Вани с Варварой покупались путевки в пионерлагерь. Лагерь этот располагался на Байкале, точнее, на берегу живописного теплого залива Сора. Жизнь в лагере была интересной. В заливе водилась рыба, и однажды ребята выловили толстого краснополосого окуня. Прямо напротив лагеря, метрах в двухстах, был небольшой заросший островок, и когда ребята тайком, в «мертвый час», перебрались на него на самодельном плоту, то обнаружили россыпи ежевики, какую Ваня видел впервые. Вокруг лагеря, в лесу, по болотам, было много другой ягоды, голубики (гонобобеля, как позднее говорила Ванина жена, отчего Ваня помирал со смеху, таким смешным казалось ему это не сибирское слово).

За голубикой ходили организованно, всем отрядом и со взрослыми, чтобы не заблудиться. Байкальский лес, конечно, очень сильно отличался от того, что был в Ваниной деревне: смешанный, даже больше лиственный, какой-то беспорядочный, дикий, с завалами и бесконечными мшистыми кочками, пронзительным запахом можжевельника. На болотистых полянах изредка стояли голые обломанные стволы берез. По дороге приходилось переходить ветхий, но высокий горбатый мост из тоненьких жердочек, построенный, как говорили, еще декабристами. И запах болота, и мертвые березы, и мостик создавали ощущение нереальности, пронзающей сознание. Позднее похожие пейзажи Ваня видел в фильмах Тарковского.

В один из таких походов небольшая кучка ребят с Ваней и Варварой немножко увлеклась голубикой, заговорила, перестала оглядываться на всех и, в конце концов, отбилась от основной группы. Через пару часов солнце уже стало клониться к горизонту и ребята, подняв головы, вдруг обнаружили, что вокруг никого нет, они остались одни и нужно как-то возвращаться в лагерь. Конечно, испугались, заволновались, а некоторые даже и заплакали, но, побродив по лесу, неожиданно наткнулись на дорогу, которая, к счастью, была единственной в этих местах. По солнцу взяли нужное направление, и не торопясь пошли. Когда в лесу наступили вечерние сумерки, ребята вдруг увидели много бегущих им навстречу людей. Оказалось, что, когда основная группа вернулась в лагерь и выяснилось, что нескольких ребят не хватает, была объявлена тревога и все старшие отряды были высланы на поиск. Но только они успели выйти из лагеря, как наткнулись на потерявшихся.

На следующее утро в лагере детей построили на линейку, а провинившихся поставили перед всеми и начали их ругать. Ваня в первый раз стоял перед линейкой, слушал, что о них говорят, но к себе это как-то не относил. Он понимал, что их ругают за вчерашнее, но в чем их вина – не понимал.

Прошли положенные три недели, и Ваня с Варварой вернулись домой. Как-то утром, когда родители ушли на работу, Ваня с Варварой выполняли мелкую домашнюю работу, на разные лады распевая песню. Голоса у обоих были крепкие, звонкие, и пели они слаженно, в свое удовольствие. И все бы ничего, но вся песня состояла всего лишь из двух слов, одно из которых цензор, будь он школьником, может, и пропустил бы, а взрослый – ни за что. Ваня с Варварой знали, конечно, значение этого слова, но бранный его смысл до них еще не доходил со взрослой прямоотой, потому пели мощно, широко, так, что слышно было и во дворе.

Неожиданно залаяла Дамка, и они услышали, как кто-то поднимается по ступенькам дома. Дверь отворилась, и вошел их бывший пионервожатый, Валерий Семенович, с молодой девушкой. Оказалось, что Валерий Семенович приехал в Ванину деревню в гости к своей сестре и с ней решил навестить Ваню с Варварой, которые ему почему-то запомнились. Валерий Семенович с сестрой, войдя, обнаружили некоторое смущение, а Ваня с Варварой вообще готовы были провалиться сквозь землю. Но, однако, сели, поговорили, а когда гости стали уходить, Варвара предложила им на дорогу небольшой пакет с огурцами. Гости вежливо отказались и вышли, но Варвара, подумав, догнала их уже на улице и умудрилась все-таки впихнуть им свой подарок.

Глава IV. В ожидании перемен

Шло время, и Ваня с Варварой доучились до старших классов. Ваню обучение не особенно затрудняло, наоборот, постепенно он стал чувствовать, что ему немножко не хватает того, что учителя дают на уроках, особенно по физике и математике. И он стал рыться в библиотеке и заходить в книжный магазин в надежде найти литературу, более содержательную, чем школьные учебники. Однажды ему сильно повезло: в книжный магазин поступил толстый том по элементарной математике, написанный профессором Московского университета. Ваня книгу, конечно, купил, и, занимаясь по ней последние два года школы, нашел очень много

для себя интересного и нового. А вот аналогичной книги по физике не оказалось, и пришлось читать в основном научно-популярные книжонки, интересные, но Ване хотелось чего-то большего.

Учителя в школе Ваню любили, но стали поглядывать как-то осторожно. Однажды в десятом (предпоследнем) классе Александра Николаевна, учительница математики, предложила на уроке решить задачу. Походив между рядами парт и с удовлетворением посмотрев, как работают ученики, она внезапно обратилась к Ване:

Телегин, а ты почему не решаешь?

Я уже решил.

Как ты решил, если даже ручку в руки не брал?

Я в уме решил.

Ах, в уме! Ну, тогда выходи к доске и рассказывай.

Пришлось Ване это сделать. Александра Николаевна молча выслушала и поставила пятерку.

Литературу Ваня тоже любил и читал все подряд, и, странное дело, ему все нравилось! Нравились авторы, которые, как позже выяснил Ваня, стояли на противоположных концах писательского рейтинга. Попав через несколько лет в продвинутое в смысле знания литературы общество, Ваня с ужасом обнаружил, как не развито его собственное представление о ней. Оказалось, что некоторых нравившихся ему писателей и упоминать то было нельзя, разве что в уничижительном контексте. Справедливости, однако, ради следует сказать, что переоценка значимости того или иного писателя шла у Вани всю жизнь. И только в старости он очертил для себя сравнительно небольшой круг авторов, состоящий, в основном, из русских классиков, которых только и стоило читать.

И только одно произведение, прочитанное в школе, вызвало у Вани отторжение, если не возмущение. Это «Крейцера соната» Толстого. Но причиной тому стал, по-видимому, Ванин возраст. В то время он относил не только сверстниц, но даже и женщин постарше к существам непорочным, как бы бестелесным вовсе, отказывая им в возможности иметь даже обычные физиологические надобности, и любой намек на их несовершенство в Ванином понимании вызывал глубокое его неприятие. И тут Ваня встречается с описанием компании, разгульной и развратной, где женщины выглядели совсем не такими невинными, какими рисовались в его воображении. Нет, юный Ваня решительно не согласился с мнением великого старца!

Вообще в эти годы и позднее, когда Ваня уехал из дома, он как-то очень остро стал чувствовать «плохих людей». Ему казалось, что «плохой человек» выдает себя взглядом, голосом, даже походкой и очень удивлялся, когда другие не замечали этого. Скорее всего, эта Ванина чувствительность была реакцией на его собственную, еще детскую незащищенность в те годы: он входил во взрослую жизнь с неокрепшим характером, не отличаясь умением правильно понимать происходящее вокруг, еще не имея друзей (покровителей у него не было никогда), т.е. без всего того, что создает в человеке уверенность в себе. Отсюда и излишняя настороженность и даже подозрительность, которые Ваня ошибочно принимал за способность разбираться в людях. Еще позднее, утвердившись в жизни, Ваня как-то незаметно утратил эту «способность».

В отрочестве Ваня был впечатлителен и часто «падал в любовь», как говорят англичане. Первое увлечение настигло его лет в десять, когда он неожиданно почувствовал, что одна из девочек класса как-то особенно ему приятна. У нее были голубые глаза, которые вдруг начинали искриться, когда она улыбалась, тоненькая стройная фигурка и светло-русые волосы. Потом Ваня влюбился в учительницу. Потом в другую, еще даже не учительницу, а только проходившую в школе преддипломную практику. Наконец, в старших классах дело дошло до как бы официальной дружбы с девочкой из их класса, дружбы, одобренной как малышкой, так и учителями. Однако легкости в общении с дамами Ваня так никогда и не научился. В при-

сутствии же тех, кто ему нравился, все больше отмалчивался, и эта особенность замечательно сохранилась в нем на всю его жизнь, часто вызывая недоумение у знакомых.

В то время школа была самым красивым зданием в деревне. Длинная, в два этажа, из ставшего темно-коричневым от времени дерева, с узкой, рельефной кладки, вертикальной разделкой посередине из побеленного кирпича, школа стояла в центре села и несколько в глубине от дороги, а перед нею размещался обширный парк с большими тополями и разросшимися кустами. Недалеко от школы силами старших школьников построили спортзал, а на завершающем этапе, когда нужно было провести отделку внутри и снаружи, старшим оказался как раз Ванин класс. И пришлось Ване с одноклассниками осваивать профессию штукатура и половину лета применять ее на деле. А осенью, когда строительство было завершено, всем ребятам-штукатурам, включая Ваню, на школьной линейке под удивленные возгласы ошарашенных малышей были торжественно вручены подарки невиданной в то время щедрости – наручные часы.

Шли годы. Школа окончательно обветшала, и ее снесли, а на освободившемся месте поставили серое унылое здание банка. Школу же, и тоже в виде серой бетонной коробки, построили на обочине села, на бывшем стадионе, который почему-то стал ненужным. А еще через некоторое время в селе объявился шуплый чернявый мужичонка, невесть откуда взявшийся, немытый и нечесаный, и отрекомендовал себя духовным отцом всех сельчан. По его инициативе спортзал, тоже ставший ненужным, был снесен, а на его месте воздвигнута церковь. Время, в которое Ваня учился в школе, посланник божий объявил мракобесием, и только теперь, по его словам, наступило просветление.

Всю зиму в десятом классе Ваня проходил, непрерывно кашляя от простуды. Он решил: так дальше жить нельзя. Пришло лето, стало жарко, и однажды июльским утром Ваня пришел в огород, зачерпнул в бочке ведро воды и вылил на себя. На следующее утро Ваня повторил процедуру. И так каждое утро. Вскоре жара спала, стало просто тепло, а потом и вовсе прохладно. Но Ваня не менял утреннее расписание. Воды в бочке уже не было, пришлось набирать ее в колодце. Наконец, наступило утро, когда Ваня, проснувшись, обнаружил за окном снег. Выйдя из дома, он помахал немного руками и попрыгал для разогрева, потом взял в руки ведро и раздетый, босиком, пошел к колодцу, набрал воды и вылил на себя. Растерся, как обычно, полотенцем, и постоял на солнышке. Отличное ощущение тепла, идущего изнутри, от молодой Ваниной крови! В январе, когда установились морозы под 40, Ваня, как ни в чем ни бывало, продолжал свои утренние экзерсисы. Мать, со страхом глядя на Ваню из узкой продушины в стене, сдавленным голосом кричала:

Ванька, заходи сейчас же, простынешь!

Но Ваня не слушался. Более того, осмелел настолько, что днем, раздевшись, стал демонстративно расхаживать босиком по двору, приговаривая: «Вот, посмотрите, даже дед Антон так не может!». На следующий год, когда Ваня оказался очень далеко от дома, он, хоть и пытался, не нашел возможности продолжать закаливание. Но даже той одной зимы ему хватило, чтобы лет до тридцати пяти жить, практически ничем не болея.

Закончился одиннадцатый класс. Ваня за учебу получил золотую медаль. На выпускном вечере учителя смотрели на бывших учеников уже почти как на равных. Некоторые учителя помоложе даже танцевали с выпускниками. Да и было с кем! Ребята в классе были рослыми, красивыми, о девчонках и говорить нечего! К тому же, за годы учебы так привыкли друг к другу, что стали как бы своими. Уже под утро, когда светало, решили пройти по селу в последний раз вместе. Шли не торопясь, в один ряд, во всю ширину улицы. Было пусто, но около ворот одного из домов стояла старушонка в семейском сарафане и с любопытством вглядывалась в процессию. Вдруг лицо ее выразило крайнее изумление, она выкинула вперед руку и, тыча пальцем, громко вскричала:

В-о-о-о-й, гляньте, Ванька-то!

Эта была бабка Антошиха.

А еще через месяц Ваня сел в Городе в поезд и впервые поехал из дома, далеко на Запад, еще не зная, как круто поворачивается его судьба.

Послесловие

Прошли годы. Ваня выучился, обзавелся семьей, вырастил детей и сделал много чего еще. Но с некоторых пор Ваню часто стал тревожить один и тот же сон: он должен лететь домой, к родителям, но в последний момент обязательно происходит что-то, мешающее ему попасть в самолет. То билет теряется, то какие-то необходимые вещи пропадают, то такси застревает на полдороге в аэропорт. «Как же так?» убивался во сне Ваня, «опять не смог попасть домой, туда, где его любят и ждут, надеются на него, и где его душе спокойно, как ни в каком другом месте на Земле». И Ваня просыпался с тяжелым камнем на сердце. Так продолжалось не один год. Поначалу Ваня думал, что тоска по ушедшим родителям и родным местам вызывают в темных закоулках его подсознания эти бередящие сердце сны. Но вот недавно Ване приснилось, что все, ничто больше не мешает, все преграды устранены, и он вполне способен вовремя приехать в аэропорт и сесть в самолет. Впервые он проснулся спокойным. Он понял, наконец, что на самом деле означает и этот сон, и этот самолет, и что он обязательно в него попадет, но спешить с рейсом нет смысла.

2017 г.

ГОРОДОК

*Он задрожит миражом,
он откликнется эхом ...*

Ю. Кукин, «Город»

Экзамены

Гоша заболел Городком сразу и надолго. Живя в нем многие годы, Гоша, в конце концов, привык ко всему и считал, что по-другому и быть не должно. Но стоило случайно отъехать на несколько автобусных остановок и очутиться в среде окраины уже не Городка, а Большого Города, Гоша начинал понимать, как крупно ему повезло с Городком. Чтобы это постигнуть, мало просто жить в Городке, нужно быть его частью.

Впервые Гоша попал в Городок безоблачным июльским утром 196.. года. Сойдя на автобусной остановке, Гоша оказался в точке, из которой просматривались практически все институты Городка, а прямо перед ним, через дорогу, возвышался Институт ядерной физики, о чем возвещала широкая надпись на фасаде. А причудливые картинки, изображавшие траектории не то электронов в атоме, не то еще каких-то таинственных частиц, откровенно сулили Гоше необыкновенные переживания в будущем, если удастся прикоснуться к этому миру.

Было около девяти часов утра и солнце, только показавшееся из-за левого крыла Института, светило прямо в глаза, и в контрастном освещении казалось, что Институт парит над землей величественной белой громадой. Эффект этой фантастической картины еще больше усилили два молодых парня, проходившие мимо, в которых Гоша сразу определил физиков-теоретиков. Оба своей внешностью, одеждой, взглядом, скорее походили на героев новейшего фильма, чем реальных людей (сверкающие нейлоновые рубашки, закатанные рукава, аккуратная черная борода у одного из них). Гоше, приехавшему из далекого забайкальского села, показался фантастическим представший перед ним мир, в котором даже воздух был

необычным. И сердце Гоши заняло: ему болезненно, до слез, захотелось попасть в этот мир, жить в нем, стать его частью и необходимым элементом. Но сначала нужно было поступить в Университет.

В приемной комиссии Университета все прошло быстро и по-деловому. У него без лишних вопросов взяли документы, выдали экзаменационный лист с его любительской фотографией, по которой нельзя было однозначно сказать, он ли на ней изображен или кто другой, и направили в общежитие. В тот же день Гоша стал ходить на семинары, которые устраивали для абитуриентов, чтобы ввести их, наивных и глупых, в курс дела. Вели семинары молодые ребята, по-видимому, студенты. Их немного развязная, явно перенятая, манера изложения, непривычная терминология, даже сами задачки, которые они предлагали все было необычно для Гоши, все завораживало.

А потом наступили экзамены. Первые два Гоша сдал средненько, мог бы и лучше. Но подвела Гошина неопытность. Остался один, главный, устный экзамен по физике. Гоша понимал, что от него зависит его судьба и упорно готовился к нему. На улице стояла жара; ребята, его соседи по комнате в общежитии, каждый день ходили на пляж и звали Гошу. Но Гоша отказывался. (Оба соседа, к слову сказать, экзамены провалили). Накануне последнего экзамена, когда Гошины силы стали истощаться, Господь Бог наклонился к нему и шепнул на ухо: «Брось, Гоша, отдохни немножко». И Гоша бросил. Пошел на летнюю концертную площадку перед общежитием, где абитуриенты пинали мяч, напинаясь с ними вдоволь, поужинал, еще погулял и спокойно, без угрызений совести, лег спать.

Проснулся Гоша поздно, экзамены уже шли, но он знал, что там все равно очередь, и приходиться к началу не обязательно. Действительно, когда Гоша пришел в Университет, перед дверью аудитории, где шел экзамен, оставалось еще только два-три абитуриента, и, прождав всего несколько минут, Гоша зашел внутрь. Экзаменатор, пожилой сухошавый профессор в очках в тонкой оправе, дал Гоше четыре задачки и отошел. Через некоторое время он вернулся, посмотрел, как Гоша справился с ними, буркнул что-то и дал еще три. Подойдя в следующий раз и убедившись, что у Гоши пока все в порядке, начал давать задачки уже не отходя, в режиме вопрос-ответ. Гоша держался. Подошел еще один экзаменатор, послушал, поговорил с Гошиным профессором. О чем они говорили, Гоша не вникал, не было времени. Наконец, Гошин профессор посмотрел на своего знакомого и улыбнулся:

Ну что, с молодым человеком приятно поговорить и поставил пятерку. И Гоша, счастливый, помчался составлять письмо родителям.

А потом был безмятежный месяц дома, в деревне, где Гошу все поздравляли и смотрели на него со значением. Этот месяц пролетел в беспамятстве, как один миг, и Гоша вернулся в Городок.

Колхоз

Обучение в Университете началось с колхоза. Их, первокурсников, человек пятьсот, привезли в пустой уже пионерлагерь в лесу на берегу залива и предложили покопать картошку. Ах, тот сентябрь! Месяц фантастических открытий, знакомств, узнаваний, первых увлечений. На Гошину душу, неопытную и неокрепшую, обрушился поток впечатлений, от которых он временами просто цепенел. Гоша обнаружил, какими эрудированными могут быть его сверстники, какими необычными талантами обладать, как остроумно и уверенно распоряжаться прочитанным, как красиво излагать свои (ну, не всегда свои) мысли. Правда, много время спустя выяснилось, что самыми успешными в карьере оказались не те, кто блистал эрудицией, остроумием, знаниями, а те, кто молчал и наблюдал.

Уже на второй день Гоша, зайдя в столовую, получил сильнейший удар, последствия которого он чувствовал всю жизнь: за стойкой, где пребывал столовский персонал, он увидел

девушку. Невысокого роста, черноволосую, с глубокими и синими, как темное небо, глазами, совершенными чертами лица. На мгновение Гошина душа рухнула куда-то в бездну, но уже в следующую минуту оттуда, из глубины, раздались совсем необычные для Гоши трезвые и умные слова: «Успокойся, Гоша, эта девочка не для тебя!». И Гоша в самом деле успокоился. На том бы все и кончилось, и жизнь Гошина потекла бы совсем по другому руслу, но Эля (так звали девочку) была общительной, умела прекрасно говорить со всеми, нашла словцо и для Гоши. И Гоша поплыл... Гоша, Гоша, знал бы ты, что будет дальше. Может быть, возблагодарил бы судьбу, а может быть, рванул бы из столовой и никогда туда не возвращался.

Старшим группы, куда попал Гоша, был назначен Воинов. Интеллигентной внешности, в очках, неторопливый, рассудительный, он казался старше остальных. Воинов часто и к месту цитировал словечки из «Одесских рассказов» Бабеля, вызывая всеобщий смех. За это его любили, а Гоша втайне восторгался.

В бригаде у Воинова был недобор, и решили (Воинов предложил) доукомплектовать «женщинами». На второй день, вечером, Воинов прихватив с собой Гошу и еще одного парня, пошел выбирать «женщин». Пришли в палату соседнего корпуса, где жили девушки-физики. Девушки еще бодрствовали и делегацию приняли благосклонно. Поговорили (Гоша не сказал ни словечка, зато Воинов не замолкал). На кровати, ближней ко входу, уютно, на боку, лежала красивая девушка, подперев голову ладонью. Лицо ее, немножко удлинненное, резко очерчивали чуть широковатые скулы, большие карие глаза в упор с насмешкой рассматривали пришедших. Воинову она сразу понравилась (Гоше тоже) и была первой записана в бригаду. Да-а-а... Правильно ли поступил Воинов? Не поторопился ли? В тот момент, безусловно, «да, правильно». В конце концов, первый наш выбор всегда определяется внешностью, голосом, интонацией, походкой. Но жизнь длинная и сложная, состоит из огромного количества событий, поступков, слов, которые, сливаясь, образуют медленный, извилистый, не поддающийся осмыслению поток, направление которого в начале его и конце часто не совпадают.

В тот вечер в бригаду была записана еще и Людочка Долина, девушка с огромными голубыми глазами, которой выбор Воинова понравился даже больше, чем самому Воинову. И это послужило началом еще одной печальной истории.

Утром все студенты шумной толпой отправлялись в поле. Все, кроме гуманитариев: девушки-филологини оставались при столовой. Сказать, что шли охотно, значило бы покривить душой. Работали нормально, но героизма в труде не проявляли. Старательно, но без фанатизма, пытались сортировать картошку на кондиционную и семенную (так велели). Перекидывались с соседями шуточками. Людочка Долина время от времени, выпрямившись, подолгу смотрела на Воинова, а Воинов поглядывал в другую сторону... В общем, день как-то тянули, но настоящая жизнь закипала вечером.

После ужина середина столовского зала расчищалась и включалась музыка. Красивая музыка, последние мировые хиты, роскошные танго. До одиннадцати вечера разрешалось все, после отбой. Руководил студенческим лагерем Полковник, сотрудник университетской военной кафедры. Он был строг, и режим соблюдал неукоснительно. Он же был и притчей во языцех, центром и мишенью всех шуточек студентов. Полковник об этом знал, но за строгой внешностью и зычным (генеральским) голосом скрывался добродушный человек, много повидавший на своем веку, и потому никаких репрессий не следовало.

На этих столовских вечерах шли смотрины, завязывались знакомства, оказавшиеся роковыми для некоторых, здесь же студенты демонстрировали свое мастерство, желая показать себя в лучшем качестве. Кто пел, кто рассказывал, кто брэнчал на гитаре. А Миша Гринфельд, тоже из бригады Воинова, крутил на пальце футбольный мяч. Миша прибыл из причерноморского российского города, где на улицах, среди сверстников, его умение ценилось высоко. Вид у Миши был невзрачный: среднего роста, худой, с черными неухоженными локонами, в цыган-

ской шляпчонке и с завязанными на животе в узелок концами рубашки, отчего Мишин пупок предоставлял всем желающим возможность полюбоваться собой.

Каждый день Гоша встречался и разговаривал с Элей. То, что происходило, разговором назвать было сложно, поскольку говорила одна Эля, а Гоша только слушал и молча смотрел на нее. У Эли был дар рассказывать интересно даже о простых вещах, о девочках в их группе, о работе в столовой, о том, где она росла и училась. Она не умничала, не пыталась показать себя лучше, что, по твердому убеждению Гоши, уж и невозможно было. Видя, как Гоша путается, пытаюсь что-то рассказать, но при этом боясь сказать глупость, упасть в ее глазах, она подшучивала над ним, но так, что Гоше становилось легче. Все в ней вызывало Гошино восхищение. С каждым днем желание видеть ее, побыть рядом, послушать становилось все непреодолимее.

Однажды Эля, сопровождаемая двумя подружками, собралась уходить с закончившегося вечера, и Гоша проводил их до выхода из столовой. Девушки спустились с высокого крылечка и стали уже поворачивать за угол, когда Эля внезапно резко повернула голову и с укоризной посмотрела на Гошу, оставшегося на крылечке. «Ну, что ж ты, дружок, стоишь пеньком, проводи бы» - откровенно читалось в ее взгляде. Эх, Гоша, Гоша... . Ему бы вскинуться, не раздумывая, перелететь через перила, касаясь их только одной рукой, как делают лихие парни в фильмах, оказаться рядом с Элей и, может быть, добиться ее расположения, но Гоша стоял нерешительно и мучился серьезнейшими вопросами: «А правильно ли он понял ее взгляд? А можно ли так делать? Ах, уже поздно, прозевал момент!». И так далее и в том же ключе.

Подружки Эли, Верочка и Наташа, тоже филологини, были теми еще подружками. Они познакомились здесь, в колхозе, и уже через два-три дня стали неразлучны. Верочка спокойная, чуть холодноватая, умная, и, как и Эля, с языком, способным сразить одним словом. Наташа худенькая, стройная, темноволосая, в брюках и облегающем свитере, походила на мальчишку-подростка. Она знала все (Эля звала ее энциклопедией). Любую книгу, картину, фильм и многое другое комментировала сходу, уверенно, детально. Спорить с ней было вовсе не нужно, нужно было просто слушать. Обе девушки относились к Гоше хорошо и, как казалось Гоше, с пониманием. Впрочем, ни у той, ни у другой, выбора практически не было Эля была бесспорным лидером в тройке.

Через две недели пребывания в колхозе у Воинова случился день рождения. Решено было отметить. Гоша немножко удивился: он считал этот повод ничтожным. Но Воинов, городской житель, всегда мыслил шире. Решено было купить водки, стащить из столовой закуску из своего ужина, и, главное, добыть гуся и сварить его. Вот на это-то славное дельце, добыть гуся, и был отправлен Гоша и еще один студент из их бригады — здоровяк и силач по прозвищу Арсен. Гоша, не раздумывая, как солдат, согласился, и они с Арсеном отправились на задание.

В деревушке, при которой стоял пионерлагерь, гусей было много (ну, может быть, поменьше, чем в Тарусе). Они свободно расхаживали по улице, и изловить одного из них было нетрудно, лишь бы никто не увидел. Договорились так: Гоша будет стоять на стреме, а Арсен схватит гуся. Так и сделали, и Арсен уже схватил бедолагу и даже успел крутануть ему шею, но тут из-за угла показался колесный трактор. Что делать? Арсену ничего не оставалось, как просто сесть на гуся, прикрыв его собой. Трактор прокатил мимо, не остановившись. Возможно, парня, сидящего на земле, тракторист и заметил, но уж больно здоров и плечист был этот парень, чтобы выяснять причины его необычного поведения.

А вечером, после ужина, компания человек в десять отправилась на берег моря, в кусты (подалеже от посторонних глаз), развели костер, ошипали и сварили в ведре гуся и славно попиروвали! Годы спустя Гоша, вспоминая этот эпизод, каждый раз содрогался от ужаса. Гоша, Гоша! Ну, каким же ты был простофилей, прости Господи! А если бы Полковник узнал и тебя бы отчислили, то конец всему: Университету, знакомству с Элей, конец жизни. И ради чего? Но, странное дело, никогда он не винил Воинова, только себя. А ведь Воинов наверняка понимал, чем грозила его авантюра, мог бы и сам пойти воровать гуся на свой день рождения, уж

если так сильно хотелось! Но для Гоши Воинов уже тогда стал кем-то вроде из касты жрецов, браминов, неподсудных и необсуждаемых.

Универ

Каким бы замечательным ни было время, проведенное в колхозе, но окончания их поездки все ждали с нетерпением: хотелось перемен.

И вот, они в Городке. Университет, запруженный летом толпой разношерстных абитуриентов, теперь заполнили старшекурсники, серьезные, умные, прилично одетые. Погода сразу, как по команде, испортилась, и беспечный солнечный Сентябрь сменился хмурым дождливым Октябрем. Без промедления начались занятия. На первокурсников словно обрушилась лавина, которую они и представить себе не могли, и выбраться из которой удалось не всем. Работа с утра и до позднего вечера, иначе что-то не успеешь сделать. До обеда лекции, потом семинары, прорва задач по всем предметам, английский... Больше всех донимал английский. Гоша, невосприимчивый к языку, мучился тяжело.

Первокурсников-физиков поселили в общежитии на Проспекте, примерно в километре от Универа. Прозанимавшись допоздна накануне, студенты имели естественное желание выспаться, а утром, в девять, начинались лекции. Потому вставали в последнюю возможную секунду и, наскоро съев булочку с молоком из картонной пирамидки, мчались в Универ. За десять минут до начала лекции из общежития выкатывалась толпа из пары сотен студентов и плотным комом катилась по улочкам Городка. Бежали, конечно, кратчайшим путем. На пути попадался лесок из молодых посаженных сосенок с узкой тропинкой, которая, не имея возможности пропустить весь ком разом, заставляла его растянуться так, что когда голова толпы выкатывалась из леска, хвост ее только втягивался в него. Но к началу лекции все благополучно успевали.

Весь день проходил в Универе. Вечером, уже в общежитии, приходилось делать то, что не успевали за день. В переходе между общежитием и соседним зданием была оборудована комната для занятий, две противоположные стены которой занимали большие, от пола до потолка, окна. Снаружи, за окнами, наваливалась холодная, черная ночь, а здесь было тепло, неяркие светильники, вдоль стен стояли простенькие столы, оставшиеся как наследство от бывшего здесь когда-то учреждения. Сюда обычно приходили пять-шесть человек, и часто собирались студенты, с которыми Гоше было просто приятно пообщаться. Здесь как-то не хотелось громко спорить, жестко отстаивать свое мнение; ребята спокойно обсуждали то, с чем не успели до конца разобраться днем.

В небольших комнатах жили по четверо. Соседями Гоши оказались могучий Арсен и Леня с Игорем. И Леня, и Игорь пришли в Универ из физматшколы, поэтому чувствовали себя здесь вполне комфортно, как люди, уже и так много знающие. Игорь даже позволял себе тратить время на возню с магнитофоном, счастливым и едва ли не единственным в общежитии обладателем которого он был. В те годы бытовая техника не могла работать самостоятельно, без участия человека, и Игорь постоянно что-то в нем подпаивал, подтягивал, подкручивал. Зато, когда утром, едва проснувшись, Игорь первым делом жал на клавишу своего питомца, из этого устройства в комнату врвался веселый и бесшабашный голос Юлия Кима: «На далеком севере бродит рыба-кит...». Гоша, с восторгом относившийся ко всем кимовским песням, несколько минут блаженствовал, оставаясь в постели. Ну, а потом – подъем, пей свое молоко с булочкой и беги в Универ.

Денег студентам хватало обычно только чтобы дотянуть до следующей стипендии. Поэтому жили без излишеств, помогая друг другу в трудные дни. Конечно, небольшие праздники для разрядки все-таки устраивали. Но больших трат они не требовали, ведь за столом вполне хватало бутылки «Цинандали» за три рубля да пары банок зеленого горошка. Но

однажды все-таки решились «шикануть». Случился Гошин день рождения, и на него пригласили Элю с подружками. Чтобы удивить девочек, Игорь предложил взять на прокат на один вечер дорогой и красивый сервиз. Так и сделали. Девочки пришли, но без Эли: в тот день ей понадобилось уехать к родителям. Верочка с Наташей без конца щебетали, их фантазия и способность находить темы для разговора были неистощимы, поэтому вечер провели очень славно. Под конец даже затеяли игры с беготней вокруг стола. И так разбегались, что сломали несколько предметов из сервиза. Но ничто уже не смогло испортить настроения. На следующий день мудрый Игорь все уладил с пунктом проката, наотрез отказавшись от участия Гоши в оплате разбившихся чашек.

Когда Гоше по случаю приходилось общаться со студентами других вузов, он с удивлением слушал, как они восхищаются своими преподавателями, их заслугами, профессиональным мастерством, и пытаются уверить, что лучше их на свете никого нет. Да, думал Гоша, наверное, у них хорошие преподаватели, но разве можно их сравнить с теми, что были на физфаке Универа? Нет, никогда, ни по каким параметрам, был убежден Гоша, но не спорил, и своих не хвалил и не рекламировал. Да и невозможно было рассказать посторонним студентам о том, кем и как читаются лекции в Универе, все равно не поймут.

Большая физическая аудитория, где читались лекции, похожа на театр, в котором сцена занята огромной доской, смещающейся по высоте, и длинным столом перед ней. На сцене царствует Профессор, а в амфитеатре, плотно набитом снизу доверху, сидят притихшие студенты, непрестанно переводящие взгляд от доски к тетради и обратно. Лекции по одному из разделов теоретической физики читает высокий интеллигентный старик с глубокими морщинами на лице. В свое время он близко примыкал к группе создателей современной физики, и ему доводилось разговаривать с Эйнштейном. Ему есть о чем рассказать студентам. Речь его изящна и выверена, так говорили люди ушедших поколений.

А в другой раз за столом расхаживает не старый еще человек с мягкой улыбкой на лице, автор идеи о встречных пучках. Полтора часа он с увлечением рассказывает о теории относительности, а оставшиеся десять минут с тем же темпераментом о том, как он, начиная путь из одной и той же станции метро, попадал к любовнице «А» почему-то в три раза чаще, чем к любовнице «Б».

И где еще могут быть такие учителя? Ну, разве что в Москве или в Питере... .

Эля

Но все время, чтобы Гоша ни делал, сидел ли на лекции, занимался ли в читальном зале, в душе его постоянно кровоточила рана: он должен был видеть Элю. Они жили в разных общежитиях, учились в разных корпусах, и вероятность случайной встречи была ничтожна. Заявиться же к ним в комнату вечером Гоша не мог по многим причинам. Во-первых, он не мог придумать предлог. Потом, допустим, он пришел к ним, и что он скажет? А вдруг там уже сидит кто-нибудь из более находчивых и удачливых? Гоше, не знавшему, что говорят в такой ситуации, провалиться сквозь пол было бы единственным избавлением. А если его просто не примут, откажут, что делать? Опять позор, который надолго бы, по Гошину мнению, пресек всякую возможность контакта. Оставалась единственная возможность: ждать и надеяться. И Гоша ждал, а рана ныла, ныла... .

Но иногда встречи все-таки случались, и тогда сердце Гошино прыгало испуганно и радостно. Эля, как всегда, в шутливой и ироничной манере расспрашивала Гошу или сама что-то рассказывала. И слова с покоряющей непринужденностью слетали с ее губ. Это продолжалось недолго, несколько минут, а потом они расходились. После таких встреч Гоша мучился вдвойне. Он начинал еще корить себя за то, как неправильно вел себя при встрече, как стоял, искривившись, почему он, дубина стоеросовая, сказал так-то, а не как-нибудь иначе, поумнее.

А еще Гоша мучился от того, что не мог понять Элю. Иногда, при встрече, она разговаривала с ним ласково и даже старалась ободрить его, видя Гошины страдания. Но было и по-другому. Эля вдруг, без повода со стороны Гоши, бросала на него презрительный взгляд или короткую уничтожающую фразу. Гоша, красный, останавливался молча, не зная, уйти ли ему или остаться в надежде, что Элино настроение изменится.

Иногда он начинал сходить с ума. Ему вдруг начинало казаться, что Эля сейчас придет в Красную столовую. Занятия Элиной группы шли даже не в Универе, а в другом корпусе, далеко отстоящем как от Универа, так и от Красной столовой, и Эля теоретически могла туда прийти, то только по какой-то маловероятной причине. Но Гоша вскакивал и мчался в Красную столовую. Приблизившись к ней, он вдруг видел, как, с другой стороны, к столовой подходит Эля с подругами.

В другой раз и Эля, и Гоша были на вечеринке по поводу дня рождения одного их общего знакомого. Гоша сидел далеко от Эли, но видел, что Эля все время болтает с Мерхоером, симпатичным парнем с их курса. Весь вечер Гоша сидел молчком, нервничал, а когда Эля оделась и вышла на улицу в сопровождении Мерхоера, выскочил вслед за ними, на мороз, в одной рубашке, стал что-то кричать, размахивать руками и пытаться остановить Мерхоера. Мерхоер перепугался, а Эля молча посмотрела на Гошу так, что тот опомнился и сник.

На следующий день Эля со своей группой уезжала в экспедицию на две недели. Гоше было стыдно, ему нужно было объясниться, но пойти к ней он не отважился. И ждать в неведении своей участи полмесяца-месяц тоже не было сил. Тогда Гоша написал записку: «Эля, я люблю тебя. Прости, пожалуйста, что не могу проводить тебя. Удачной тебе поездки. Возвращайся скорее». Без подписи. Эля не отреагировала, ни в тот день, ни после. Правда, инцидент с Мерхоером тоже был забыт и записку Эля все-таки не выбросила.

Вообще Гоша стал замечать, что у Эли много знакомых ребят, и с физфака, и с мехмата. Среди них оказался и Гришаня Шимкус, учившийся в одной группе с Гошой. Учился Гришаня средненько, звезд не хватал, но был остроумен, красноречив, обаятелен, и всегда находился в курсе не только местных, но даже и московских светских событий. Редкая девушка могла отразить Гришанино обаяние. Знакомство Гришани с Элей не удивляло, но пугало Гошу.

Как-то, уже на третьем курсе, Гоша вышел из своей комнаты в общежитии и заметил в конце коридора, там, где жил Гришаня, шум и оживление. Гришаня праздновал свой день рождения. Вдруг появилась Эля, в красивом платье, с эффектной прической, и по-хозяйски, громко говоря что-то на ходу, зашла в комнату, где гремела музыка и шло веселье. Гошу как будто что-то ударило. Он вернулся к себе, упал ничком на кровать и долго лежал в ознобе, не в силах осмыслить и понять происходящее.

С того дня отношение Гоши к Эле стало понемногу меняться. Внешне все оставалось, как прежде: он восхищался ею, трепетал при ее появлении, но то, что раньше возникало как смутная догадка, теперь становилось совершенно ясным: Эля не видит в нем друга. Было грустно, было обидно, иногда хотелось кричать от боли, но нужно было мириться с этим. Другого пути не было.

Наконец, уже в конце четвертого курса все определилось. Гоша, измученный, пришел к Эле в общежитие еще раз попытаться наладить отношения. Обе Элины подруги, Верочка и Наташа, сочувствуя Гоше, усадили его и стали всячески развлекать разговором. Но Эля, сделав вид, что не понимает, зачем здесь Гоша, отвернулась и молча ждала, не скрывая, когда Гоша уйдет. Обескураженный Гоша ушел, силясь понять, почему Эля сознательно и жестоко пошла на разрыв.

Но очень скоро все объяснилось: Эля появилась на публике с Малышом, как Гоша про себя называл этого юношу. Малыш действительно был невысокого роста, как и Эля, к тому же учился курсом младше. Он был химиком и выявлял какие-то необыкновенные таланты, брал призы на международных олимпиадах, все говорили о его большом будущем. Эля, всегда

скрытная, на этот раз откровенно демонстрировала свое расположение к Малышу. А Малыш сиял.

Гоша снова опечалился, но разум его, уже не такой зашоренный, как прежде, стал понемногу разяснять Гоше его отношения с Элей.

Гоша нравился Эле. Ей нравились его простота, открытость, внешность, наконец. И, конечно, Эле, как и любой женщине, хотелось бы видеть возле себя смелого, сильного, могущего постоять за себя и за нее парня, каким был Гоша. Но Эля не была обычной женщиной. Прежде всего, она была невероятно, фантастически красива. Знаменитая Лиз Тейлор отдаленно напоминала Элю, как искаженная и некачественная репродукция отдаленно напоминает оригинал. Но Эля была еще и умна, что в сочетании с ее внешностью делало Элю исключительной, недостижимой для большинства женщин. Конечно, Эля, хотела она того или нет, подсознательно учитывала это обстоятельство и рассчитывала на то, что ее будущий спутник сделает ее жизнь достойной. А что мог дать Гоша? Есть у него перспективы? Очень сомнительно. Гоша вспомнил, как еще на втором курсе Эля возила его к себе домой показать родителям. После той поездки никакой ободряющей Гошу реакции не последовало. Значит, Гоша «не показал себя». И позже был отвергнут. Возможно, как предположил Гоша, по той же причине отпал и пустозвон Гришаня. И другие. Холодный, расчетливый, практический ум Эли работал, как представлялось распалившемуся Гошину воображению, безошибочно и неумолимо. Вопрос только, всегда ли на ее благо, но понять это в то время было невозможно. И вот тут является Малыш. Умный, перспективный, с хорошей родословной. И решение было принято. Эля снова стала приветливой с Гошей, но теперь это была приветливость безразличного человека.

Годы спустя Гоша, вспоминая, размышлял, правильно ли поступила Эля? И пришел к неутешительному для себя выводу: если принимать во внимание только «за» и «против», хороши или плохи различные варианты, то «да», абсолютно правильно, без вариантов. Любая умная женщина на месте Эли поступила бы точно так же. Другое дело, тактически Эля могла бы все сделать мягче, женственней, ласковей. Позвала бы, например, Гошу к себе и сказала: «Гоша, миленький, прости меня, я выхожу замуж». И Гоша, прослезившись, всю жизнь считал бы ее святой. Но тут вопрос: а разве Любовь это логика? Разве это арифметический подсчет плюсов и минусов? Нет, где Любовь, там нет и не может быть расчета. А коли есть, то расчет слабый, подсознательный, скорее надежда, что все будет хорошо. Следовательно, если Эля действительно обдумывала будущее, как шахматист обдумывает ситуацию, которая возникнет на доске через несколько ходов, то на ее любовь не приходилось надеяться никому из претендентов. Любящий всегда готов на жертву, бездумную, безрассудную, «не гадая, в ад или в рай», хотя не во всех случаях такая жертва и требуется.

А может быть, продолжал рассуждать Гоша, все это глупости, мои обиды отвергнутого? Ничего Эля не считала, а просто долго искала и, наконец, нашла того, единственного, ей суженного? Ну, не нравился я ей чем-то, что ж, она обязана, что ли, выбрать меня только за то, что я такой хорошенький и меня нельзя обижать? Так бы и Гришаня мог заявить, и любой другой, а Эля то всего одна.

Так, размышляя, Гоша вконец запутывался и тоскливо смотрел в пространство перед собой.

Однако между тем временем, как отвалился Гришаня, и тем, когда появился Малыш, произошло небольшое событие, значение которого Гоша понял только спустя много лет. Както зимой, на четвертом курсе, Гоша поехал в центр Большого Города по мелким делам. С утра у него болела голова, но терпимо. На обратном пути в автобусе Гоша увидел Элю. Она возвращалась из дома, от родителей. Гоша обратил внимание, что Эля была немножко притихшей, задумчивой, без обычного ироничного блеска в глазах. В дороге они спокойно и о многом поговорили. Гоша проводил ее до общежития, и когда Эля уже открывала дверь, она вдруг спросила Гошу:

Не зайдешь?

Но к этому времени, после хождения по Городу и долгой поездки в холодном, трясущемся автобусе, тяжелые механические молоты в голове у Гоши колотили уже так, что он едва стоял на ногах, из последних сил пытаясь не показать своего состояния. Больше всего ему хотелось сейчас упасть где-нибудь, хоть здесь, на улице, в снег, зажать голову руками и заставить боль немножко ослабнуть. И Гоша отказался. Много позже Гоша подумал: а, может, тогда, между Гришаней и Малышом, Эля была в растерянности, и у него был шанс? Но что об этом говорить, все в прошлом.

Для Гоши парадоксальность его ситуации состояла еще и в том, что он с самого начала отчетливо сознавал свою бесперспективность с точки зрения возможных будущих отношений с Элей. Он знал, что он крепкий парень, способен упорно трудиться и создать условия, подходящие для многих, но не для Эли. Нет, она достойна большего, много большего, твердо считал он. Так чего же он добивался? У Гоши не было ответа. Он просто не мог жить, дышать, существовать без нее. Он любил ее, безумно, безответно, бессознательно. Много позже, когда у Гоши появилась некоторая развязность в мыслях, он стал думать, что Любовь это просто игра гормонов, химия. Но в случае с Элей все было совсем не так: он никогда, ни секунду не думал об Эле, как женщине. Тогда, что такое Любовь? Безумие? Или все-таки химия, но на более высоком, ментальном уровне? Возможно.

Развязка наступила в середине пятого курса. Гоша, направляясь к Универу, пересекался курсом с гуляющими Элей и Малышом. Увидев его, Эля торжествующе улыбнулась и демонстративно, как показалось Гоше, склонила голову на плечо Малышу. Гоша сжался, но виду не показал. Через месяц он сделал предложение девушке, с которой встречался последнее время.

Эпилог

Шли годы, Гоша работал, защищал диссертации и неумолимо становился Георгием Александровичем. Однажды, теплым сентябрьским вечером, Георгий Александрович шел вниз по Проспекту. Проспект был почти безлюден, ему встретились только два бомжа с сумками, да около Красной столовой стояла небольшая кучка людей среднеазиатской внешности, торговавшие здесь фруктами. И все. Ну, может быть, еще пара случайных прохожих. Георгий Александрович удивился, и в памяти совсем не случайно всплыл один весенний день его далекой юности.

Апрель месяц. Первокурсник Гоша не торопясь шагает по Проспекту. Солнце уже спускается к Морю и его лучи падают прямо в лицо. На Проспекте оживление. Люди, уставшие от долгой зимы, стужи, сугробов, вышли на улицу, чтобы пройтись, прогуляться, встретить знакомых. То там, то здесь возникают стихийные группки остановившихся поговорить людей. Поток движется, меняется, и Гоше на глаза попадает то одно, то другое знакомое лицо.

Около Красной столовой в толпе возвышается мужчина средних лет и броской внешности, в обычных для него куртке и свитере с глухим воротом. Он очень популярен как известный физик и как автор вечернего кафе для жителей Городка. У него здесь много знакомых, которые подходят, протягивают руку, что-то говорят.

А вот еще один известный в Городке человек с торчащей вперед острой бородкой клинышком и прямым, настороженным взглядом темных глаз. Его окружает стайка (злые языки говорили: табун) молодых длинноногих женщин. Чем он занимается, Гоше неизвестно, но ни одно мероприятие в Доме Ученых без него не обходится.

Неожиданно взгляд выхватывает в потоке невысокую тоненькую фигурку в темно-синем пальто и с красивой черноволосой головкой. «Эля!» - вырывается у Гоши, и он бросается навстречу, не разбирая дороги. Как много он хочет сказать ей, как много ему нужно сказать, но слова застревают в горле, и только сияющие Гошины глаза выдают его состояние. Эля улы-

бается, она тоже рада встрече, и они идут рядом, ничего не замечая вокруг и видя только друг друга. Эля о чем-то увлеченно рассказывает, а Гоша слушает, кивает. Он не всегда понимает, о чем она говорит, но это не важно, ему важно просто слушать ее. Постепенно люди вокруг исчезают, исчезает и Проспект, и они идут по какой-то незнакомой местности. Но и это ничуть не трогает Гошу. Пусть хоть что происходит вокруг, только бы Эля была рядом, и он слышал ее голос.

Как изменился, как постарел Городок! Как выросли березки и сосенки на Проспекте, посаженные в год появления Георгия Александровича здесь. Поколение шестидесятых, тех, которые «из разговоров признают только споры», ушло, уехало, состарилось, умерло. Умер и тот Городок, канул в Лету. Городок, в котором мы учились, любили, выросли. Его не будет больше никогда, как не будет и нас, юных, полных сил и надежд. И Георгий Александрович, грустно опустив голову, продолжает свой путь.

2019 г.

ИНСТИТУТ

*Да будет мужественным твой путь,
да будет он прям и прост.*

И. Бродский, «Прощай»

Фальстарт

Где читатель знакомится с героем повествования и узнает о его первых шагах во взрослой жизни, большие похожих на блуждания слепого котенка

Андрей Столяров закончил Университет утомленным. Бесконечные экзамены, защита диплома, бестолковое и сумбурное распределение и, наконец, переезд в другой город по месту первого в его жизни назначения все это значительно понизило уровень его простодушной жизнерадостности и бесшабашности. На распределении он не знал, куда пойти, и предложение от завода в далекой и цветущей (в его воображении) Украине показалось привлекательным. Но приехав туда и пообщавшись с заводскими чиновниками, Андрей быстро понял, что это совсем не его. На заводе тоже сильно удивились приезду Андрея, так как совершенно не понимали (или делали вид), откуда взялась их заявка на его специальность. Таким образом, к обоюдному удовлетворению в три дня был решен вопрос об откреплении, и Андрей, созвонившись с Институтом, с которым сотрудничал во время дипломной работы, вернулся в свой дорогой и любимый Городок.

На скользкой тропе

Как Андрей попал в Институт и как его оттуда чуть не выгнали, и как он набирался опыта, получая моральные синяки и шишки.

И вот он на месте. После немного суховатой атмосферы лаборатории, где Андрей был в студентах, новый Институт показался ему бурлящим, ярким, личностным. Так оно и было на самом деле. Люди в нем работали самые разные: одни после войны, другие – после лагеря, третьи, молодые, только что закончившие Московский или Ленинградский Университет и жаждавшие самоутверждения. При таком составе неизбежно столкновение личностей, характеров, сформированных в очень разных условиях и закаленных отчаянным бытом. В ту пору жизнь, казалось, кипела в коридорах. Месткомы, парткомы, советы... Шла борьба. Кто-то отстаивал свое направление, кто-то боролся за все и против всех. Но преданность делу, науке, и очень

серьезное к ней отношение объединяла борцов. Статью писали как в бой шли, готовые ответить за каждое слово, за каждую цифру. И очень охотно соглашались на сотрудничество. Понимали, что это может только обогатить их работу. (Нынешние молодые сотрудники не всегда знают обозначения осей на графиках, которые они публикуют в своих статьях, но это их нисколько не смущает. Что касается сотрудничества... . Сотрудничество в наше время часто имеет финансовую составляющую и по возможности избегается).

Руководил институтом Академик. Человек неумной энергии, умный, обаятельный, но и умеющий быть жестким, он был химиком масштаба Страны. Конечно, он прекрасно знал, что в химии необходимы исследования строения различных соединений, но прежде всего он понимал химию как науку, способную решать задачи человеческой важности. И ставил соответствующие проблемы перед Институтом облагораживание обширных земель, переработка отходов громадных промышленных предприятий, улучшение технологии на химическом комбинате в сибирском городе. В Институте он организовал проведение исследований по всем важным направлениям в химии, но не только. Понимая, что тайны строения молекул и химических процессов основаны на законах физики, он пригласил в Институт целый физический отдел с сотрудниками высокого уровня, создал вычислительный центр, организовал техническую поддержку для развития технологических разработок и многое другое. (Химики в нынешнем Институте достигли таких высот, на которых для них не осталось тайн, и физики оказались им совсем не нужны).

Андрея приняли хорошо, т. е. все мило улыбались и быстро определили позицию стажер-исследователь в группе, руководимой молодой еще женщиной-химиком, уже успевшей защитить кандидатскую. Ей нужно было научиться выращивать качественные кристаллы. Андрей же по специальности физик. В его голове все еще вихрем носились кванты, волновые пакеты, какие-то немислимые поля, а его завели в комнату, где в одном углу стоял надтреснутый и замызганный письменный стол, а по другой стенке длинный химический, с бурыми пятнами неизвестного происхождения, и сказали, что ему необходимо научиться измерять то-то и то-то на установке, которую сам же и должен сделать.

В то время несложное научное оборудование делалось, в основном, самими сотрудниками, «на коленке», благо и экспериментальные запросы тоже были несложными. И Андрей, походив по знакомым и добыв нужные сведения, через недельку принялся за изготовление установки, т. е. начал пилить стальные уголки, мастерить стеллаж, сверлить огромное количество дырочек под резьбу или под болтик, паять примитивную схемку. Так или иначе, установка через пару месяцев была готова и Андрей, гордый и счастливый, восхищенно поглядывая на первое в своей жизни творение и поглаживая его свежеразкрашенные бока, уселся делать измерения.

Целый год все было хорошо. Андрей измерял, строил графички на миллиметровке, обдумывал, мучился догадками и сомнениями, обсуждал, т. е. делал все, что положено делать стажеру-исследователю, и даже написал (шефиня написала) первую в жизни статью. И тут грянул неожиданный удар прямо под дых (сколько их еще будет!). Как-то, делая уборку своего химического стола, Андрей наткнулся на множество рулончиков свернутой розовой бумаги с какими-то едва различимыми кривыми на них. Он стал расспрашивать всех, кто был рядом, что это такое и чье. Молчание. Он спросил: может он рулончики выбросить? Опять молчание, но очень похожее на согласие. Андрей выбросил.

На следующий день в комнату стремительно ворвался завлаб и с порога коротко спросил, показывая на химический стол: где ИК-спектры? Андрей стал что-то лепетать в оправдание, но в ответ услышал: уволить. И уволил бы, но за Андрея вступился замдиректора, Иван Алексеевич Гончаров, только что, в результате изнурительной и продолжительной административной борьбы, сменивший на этом посту андреева завлаба. Неизвестно, Андрей ли ему понравился, или не хотелось терять молодые кадры, а, может, просто в пику завлабу, но Андрея он

отстоял. Но через пару дней, когда немного отлегло и в голове прояснилось, до Андрея вдруг дошло, что 1) те, кого он спрашивал, знали о назначении этих рулончиков; 2) втайне желали, чтобы Андрей их выбросил; 3) тут же побежали и донесли завлабу. А поскольку спрашивал-то Андрей всего лишь одну сотрудницу, Свету Чистенькую, то искать «доброжелателя» долго не пришлось.

Под Новый год в лаборатории тянули Достоевского. В лаборатории было около двадцати сотрудников, а подписок на собрание сочинений Достоевского местком выделил только две, и нужно было тянуть жребий. Вообще-то, может быть, только двум людям из всех и нужен был Достоевский, но тянули все. Андрею отчаянно хотелось получить эту подписку, но не повезло. Зато повезло многодетному инженеру, которому Достоевский в тот момент был не особенно актуален. Андрей отвел счастливицу в сторону и предложил от подписки не отказываться, а тихонько передать ему. Тот охотно согласился, но о сговоре узнала Екатерина Антоновна, занимавшаяся распределением дефицита в лаборатории. Екатерина Антоновна, высокая и полная пожилая женщина, нрав имела крутой и непреклонный. В войну, как поговаривали, работала в сталинской «тройке». Узнав о сделке, она разгневалась и постановила: при грядущем распределении кроличьих шапок Андрея из списка претендентов исключить. И остался Андрей без новой шапки, но с подпиской на Достоевского. Впрочем, еще одну зиму он мог проходить и в старой шапке.

Рабочие будни

Как Андрей находит друзей и наживает врагов, становясь полноценным членом коллектива.

В первые же дни в Институте Андрей познакомился с Дантоном. Дантон был значительно старше Андрея, ему было уже под сорок. Светлый, среднего роста, с немного вытянутым лицом и высоким лбом, с большими грустными глазами, он походил на библейского мудреца. Спокойный, ироничный, не позволявший грубости, Дантон уже многое повидал в жизни, пережил голодное детство в эвакуации, работал в металлургическом цехе большого завода.

Попав в Институт, Дантон нашел, возможно, то, что ему больше всего не хватало в жизни: спокойное и не обремененное существование, интеллигентное окружение, возможность самому решать, что делать и чем заниматься. А любил он больше всего поговорить, немножко пофилософствовать, сыграть партию-другую в шахматы. С Андреем обращался практически на равных, но с отеческой ноткой. Андрей, с его неопытностью и вспыльчивым характером, вечно попадающий в какие-то передраги, пришелся Дантону как раз по вкусу: поучить его, посоветовать, немножко подтрунить над ним. Дантон работал на ставке инженера, и у него не было необходимости писать статьи, ежегодные отчеты, что его вполне устраивало. Андрей мог зайти к нему в любое время. Дантон либо сидел, задумавшись, за столом, либо расхаживал со штангенциркулем в руках вокруг своей установки, которую постоянно модернизировал. Установка эта никогда не включалась, поэтому Андрей так и не узнал, в чем ее суть и назначение.

Еще через год пришел Ося. Он тоже, как и Андрей, закончил физфак Университета, но, обладая отличной памятью, помнил все и знал все. Последней к ним примкнула Настя, веселая, двадцатидвухлетняя блондинка с длинными локонами и открытым, простым лицом. Вот так, сама собою, сформировалась теплая компания, на несколько лет ставшая неразлучной. Дантону в ней была отведена роль мягкого и спокойного наставника, Ося оказался интеллектуальным центром, Настя душой компании, Андрей всем понемножку и никем особенным. Конечно, Андрей любил Дантона. Наверное, в нем он находил то, чего ему явно недоставало: умение спокойно поразмыслить, беспристрастно оценить ситуацию и принять взвешенное решение.

В то время в Институте весьма энергично функционировали партком, местком и комитет комсомола. Действовали они, с одной стороны, довольно бесцеремонно, вмешиваясь во все,

даже в частную жизнь сотрудников, но с другой осторожно, не решаясь выступить, например, против мнения директора. И если председателем Парткома обычно избирался (а по сути – назначался) один из солидных и авторитетных завлабов, то комсомолом руководили, как правило, молодые ребята, умные и образованные, но что-то ущербное в них все же было. Вероятно, они не любили много работать, как того требовало занятие наукой, а добиться быстрого успеха в жизни хотелось, и общественная работа должна была им в том помочь.

В самом деле, в то время в научной среде появились люди, которых называли «организаторами науки». Что это означает, мало кто понимал. Вроде бы ученые, но не совсем. Вроде бы что-то сделали, но что и когда неизвестно. Некоторые из этих людей добивались крупных должностей и званий, тогда их называли «большими организаторами науки». Почему это стало возможным? Вероятно, потому, что занятие наукой стало модой, а не призванием, как в прежние времена, и для слишком многих людей превратилось в обычную профессию, где можно было, если постараться, достичь приличную зарплату. (После Перестройки, когда в других областях появились возможности резко нарастить свои доходы, «организаторы» ушли из Науки).

«Организаторы» начинали свою карьеру, как правило, с общественной работы. Комитет комсомола возглавлял Миша Гриб, однокурсник Андрея, но только химик. И вот однажды Андрея вызвали на заседание комитета для обсуждения его поведения. Поводом послужило несдержанное выступление Андрея на общем комсомольском собрании. Миша, человек с большими амбициями, явно метивший в «организаторы науки», вел дело осторожно, чтобы не возник нежелательный скандал. Андрея стали поругивать, но не очень агрессивно. Миша, возможно, чувствовал, что если он перегнет палку, то Андрей может не сдержаться и как-нибудь резко выступить в его адрес.

И все бы прошло тихо и формально, но на комитете присутствовала Нина Владимировна, представитель парткома. Нина Владимировна была пожилой, одинокой женщиной, с трудной военной судьбой и незаметной должностью в Институте. В ее задачу входило следить за тем, чтобы молодые комсомольцы понимали дело правильно и выступали также правильно. Несколько раз она принималась выговаривать Андрею, что его моральные устои не отвечают принципам, которыми руководствовались, например, Павлик Морозов или Павка Корчагин. Андрей долго отмалчивался, но, наконец, не вытерпел и спросил:

Нина Владимировна, а Вы всегда придерживались этих принципов, даже когда Вам было 12-14 лет?

Да, конечно. отчеканила Нина Владимировна.

И с тех пор Ваше мировоззрение не изменилось?

Нет, не изменилось! с гордостью ответила Нина Владимировна.

Поздравляю Вас! коротко бросил Андрей и сел.

По залу пронесся смешок, а Нина Владимировна, вспыхнув, вскочила и гневно заявила, что Столяров безответственный и безнравственный человек, каким не место в комсомоле. Но собрание уже как-то стихло, накал упал, и все закончилось без принятия решения относительно Андрея. На следующий день Дантон мягко, по-отечески, журил Андрея, говорил, что Нина Владимировна пожилой человек, что с ней нужно быть потактичнее, но при этом на лице его блуждала лукавая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.